

РУССКИЙ МЕЦЕНАТ

Ноябрь 2015

АЛЬМАНАХ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА

Выпуск двадцать первый



Образ
и документ
стр. 12

Лики
Года литературы *стр. 4*

Дом с шлемом,
музеем и храмом *стр. 74*

К тайнам
затонувших кораблей *стр. 82*



14.12–16.12.15

IV САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ
КУЛЬТУРНЫЙ
ФОРУМ



Приурочено
к 70-летию
ЮНЕСКО

CULTURALFORUM.RU



120 СТРАН-УЧАСТНИЦ

122 МЕРОПРИЯТИЯ



82 ПЛОЩАДКИ



БОЛЕЕ 500 ЗВЕЗД
МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

64 МЕРОПРИЯТИЯ

186
МЕРОПРИЯТИЙ

12
СЕКЦИЙ

*Справедливая власть
Сильный бизнес
Благотворительные граждане*

РУССКИЙ  МЕЦЕНАТ

Аркадий Соснов — главный редактор
Игорь Домрачев — арт-директор
Андрей Зайцев — фоторедактор
Алла Бернадуччи — спецпроекты
Максим Неизвестных — фотограф
Тимур Тургунов — фотограф
Елена Морозова — корректор

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 5, к. 213, Тел./факс (812) 328 2012
Тел. +7 (921) 909 5151, эл. почта: sosnov@pressa.rus.net
Сайт: www.rusmecenat.ru

Председатель попечительского совета М. Б. Пиотровский

Учредитель: Аркадий Соснов, e-mail: sosnov2003@yandex.ru

Издатель: Санкт-Петербургская общественная организация
«Журналистский центр международного сотрудничества»
Адрес: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 5
Тел./факс (812) 323 3063, эл. почта: interjour@spbrc.nw.ru

**Доставляется руководителям органов власти,
компаний, учреждений культуры, НКО**

Представитель в Великобритании —
Юлия Попова, rustaecenas@gmail.com

Альманах зарегистрирован Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС2-8864
от 01.11.2007. Номер подписан в печать 16.11.2015. Отпечатан в типографии
«Премиум Пресс». 197374, Санкт-Петербург, ул. Оптиков, 4
Тираж 2000 экз. © «Русский Меценат», 2010

Использование материалов только с письменного разрешения редакции. Мнения
авторов могут не совпадать с мнением редакции. Редакция не несет ответственности
за содержание рекламных материалов. Все рекламируемые товары и услуги
имеют необходимые сертификаты. Все права защищены

На обложках:

Глазами Иосифа Бродского. Вид от Дома Мурузи
на Спасо-Преображенский собор (Ленинград / Санкт-Петербург).
Фото Тимура Тургунова.
Вид на реку Гудзон в районе Гринвич-Виллидж (Нью-Йорк).
Фото Людмилы Кудиновой.

Информационный
партнер
делового
потока:



IV САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ
КУЛЬТУРНЫЙ
ФОРУМ

Здравствуйте!

Культурная динамика

Идея проводить в Санкт-Петербурге Международный культурный форум, по масштабам сравнимый с экономическим, казалась нереальной. Кто ж поедет в Северную столицу не в сезон белых ночей, а в декабрьскую стужу-слякоть? Первый форум заявил о себе гигантским круглым столом (спецзаказ!), вытеснившим кресла из зала Михайловского театра. И хотя люди за ним сидели уважаемые и речи вели актуальные, мне с третьего яруса хорошо было видно, что часть мест пустовала. Тот форум собрал 70 участников, без разбивки по секциям, из 300 посетителей треть составляли журналисты.

А год спустя случился настоящий прорыв: почти три тысячи участников, 11 секций, 50 площадок — обсуждались различные аспекты предстоявшего Года культуры. Мне второй форум запомнился проведением совместно с Государственным Эрмитажем дискуссии «Российское меценатство: традиции и новации» (12 спикеров! 200 участников!).

Третий форум был обречен на успех, поскольку посвящался 250-летию Эрмитажа. Музей отмечал свой юбилей в течение года блистательными выставками, фестивалями и конференциями, которые плавно перетекли в мероприятия форума. Но не Эрмитажем единым:



72 площадки, 16 секций, в том числе новые, со значимой тематикой — «Наука в образовательном пространстве культуры», «Культура СМИ»... Все активнее проявлялась общественная инициатива: так, наш альманах организовал панель «Доступность культурных услуг для населения» в Шереметевском дворце.

Нынешний, четвертый форум отмечен структурными переменами: при возрастающем числе мероприятий они разделяются на потоки (официальный, деловой, образовательный, общественный). Культурная программа, прежде привязанная к дням проведения форума, охватила чуть не два месяца. Поэтому логичен следующий шаг, о котором сказал мне заместитель министра культуры Александр Журавский: сделать форум круглогодичной, постоянно действующей площадкой общения деятелей культуры со всего мира, а часть событий под его эгидой выносить за пределы культурной столицы России.

До встречи на... пятом форуме!

*Аркадий Соснов,
главный редактор альманаха
«Русский Меценат»*



СОБЫТИЕ

ЛИРИКА ДЛЯ ФИЗИКОВ

Фестиваль русской поэзии и музыки в стенах Политехнического университета Петра Великого / стр. 4

ТЕРРИТОРИЯ ТВОРЧЕСТВА

МАГИЯ К. Р.

Поэтический конкурс Русского музея притягивает участников и друзей / стр. 6

ОБРАЗ И ДОКУМЕНТ

Как создается музей Иосифа Бродского в Санкт-Петербурге / стр. 12

ПРИТЯЖЕНИЕ НОРИНСКОЙ

В Коношском районе Архангельской области открылся музей Иосифа Бродского / стр. 21

БЛИЖЕ, ЧЕМ КАЖЕТСЯ

Родина Козьмы Пруткова обещает уникальные впечатления в обмен на дорожные тяготы / стр. 26

*МАЙКА-ПЛОТНИК.
ЧТО Ж ТАКОГО?*

Жизненная программа прототипа героини Федора Абрамова / стр. 36



ХЛЕБ, ЛЮБОВЬ И СВОБОДА

На сцене Малого драматического театра — Театра Европы новое поколение «Братьев и сестер» / стр. 41

СОВРЕМЕННЫЕ МЕМУАРЫ

ЧЕРЕЗ ДВА ГОДА

Ольга Бродович рассказывает о встречах с Иосифом Бродским / стр. 48

ТОГДА В ТАШКЕНТЕ

Профиль Анны Ахматовой, четко отпечатавшийся на белой стене / стр. 54

*ДОСЛУШАТЬ
НЕДОСЛУШАННЫХ*

«Библиотека убитых поэтов» в Фонтанном доме / стр. 62

ПОВЕРХ БАРЬЕРОВ

ТАЛАНТАМ НАДО ПОМОГАТЬ

Фонд Иосифа Бродского реализует его мечту о создании Русской академии в Риме / стр. 66

МЕЛОДИЧНАЯ ЧАСТЬ РЕЧИ

Александр Журбин сумел переложить на музыку поэзию Бродского / стр. 71





ЭФФЕКТИВНАЯ ПРАКТИКА

ДОМ — ИМЯ ИСТОРИЧЕСКОЕ

Строительный холдинг создает культурно-образовательные центры и храмы / стр. 74

НАСЛЕДИЕ

ОБРЕТЕНИЕ ПАМЯТИ

Подводные археологи реконструируют ход Выборгского сражения / стр. 82



БЛАГОТВОРИТЕЛИ

ВНАЧАЛЕ БЫЛ ДВОРЕЦ...

Международный благотворительный фонд «Константиновский» на пороге 15-летия / стр. 92

ПРАЗДНИК ДАРЕНИЯ

В Государственном Эрмитаже отметили X День мецената / стр. 94



Подготовка современного инженера — творца, интеллигента и патриота немислима без гуманитарной составляющей. Только тот, кто чувствует поэзию и музыку, способен создать машину или технологию, конкурентную на глобальном рынке. Как сказал — и подтвердил своим примером — выдающийся русский изобретатель Владимир Шухов, инженер должен мыслить симфонически.

*Андрей РУДСКОЙ,
ректор Санкт-Петербургского
политехнического университета
Петра Великого, член-корреспондент РАН*
стр. 5

Лирика для физиков

ФЕСТИВАЛЬ РУССКОЙ ПОЭЗИИ И МУЗЫКИ «ПУШКИНСКИЕ ДНИ В ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМ»
ПОМОГАЕТ ВОСПИТЫВАТЬ ИНЖЕНЕРОВ XXI ВЕКА

Сергей ЛИДОВ. Фото: пресс-служба СПбПУ Петра Великого



Спектакль Пушкинского центра
«Дон Гуан». Фестиваль 2013 г.

Извечный спор физиков и лириков в стенах Белого зала Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого выглядит явным анахронизмом. Технари с удовольствием слушают стихи и музыку, здесь охотно выступают народные и заслуженные артисты, восхищаясь прекрасными интерьерами и акустикой (стараниями университета и его выпускников исторический зал бережно отреставрирован). В проходящих с 2007 года фестивалях «Пушкинские дни в Политехническом», приуроченных к лицейской годовщине, принимали участие Алла Демидова, Василий Лановой, Александр Канторов, Леонид Серебренников...

Не стал исключением и минувший октябрь. Санкт-Петербургский государственный академический симфонический оркестр под управлением Вальтера Пруста (Бельгия), многого-

лосие хоров Санкт-Петербургской православной духовной академии; вечер ведущей солистки Мариинского театра Ольги Кондиной с ариями и романсами на стихи Пушкина; моноспектакль актера Большого драматического театра имени Г. А. Товстоногова Михаила Морозова по сказкам Пушкина; еще один симфонический оркестр, в котором по воле дирижера Дмитрия Хохлова вместо скрипок и виолончелей звучат балалайки и гусли...

Такой афише позавидовали бы многие филармонии! Недаром Белый зал называют «Северной филармонией», учитывая значение этого культурного очага для огромного спального района города. Причем билетный ценник демократичный, а для студентов вход на концерты свободный.

Когда-то в этом зале, по инициативе первого директора вуза князя Андрея Гагарина, считавшего музыкальное образование

Событие



неотъемлемой частью Политехнического, играл студенческий симфонический оркестр; на сцене блистали Шаляпин и Матильда Кшесинская. А сегодня проводятся «Музыкальные семестры в Политехническом» — факультативный курс для студентов в форме лекций-концертов. Поверить гармонию алгеброй им помогают композитор, профессор Санкт-Петербургской консерватории Игорь Рогалев и симфонический оркестр. По просьбе лектора музыканты готовы сыграть партию одного из инструментов, отрывок из сочинения Моцарта, Гайдна, Рахманинова...

«Музыкальные семестры», «Пушкинские дни в Политехническом» — воплощение образовательной концепции ректора вуза, члена-корреспондента РАН Андрея Рудского: «Подготовка современного инженера — творца, интеллигента и патриота немыслима без гуманитарной составляющей. Только тот, кто чувствует поэзию и музыку, способен создать машину или технологию, конкурентную на глобальном рынке. Как сказал — и подтвердил своим примером — выдающийся русский изобретатель Владимир Шухов, инженер должен мыслить симфонически».

Фото слева направо сверху вниз:
Раиса Гундяева, дирижер
Камерного хора Санкт-Петербургской
духовной академии РПЦ.

Оркестр под управлением
Вальтера Пруста исполнил увертюру
к опере «Руслан и Людмила».

Ректор университета Андрей Рудской
и первый проректор Владимир Глухов
в Белом зале.

Выступает Михаил Морозов.

Ольга Кондина у рояля, подаренного
Белому залу выпускниками
Политехнического.



Магия К. Р.

ПОЭТИЧЕСКИЙ КОНКУРС РУССКОГО МУЗЕЯ ПРИТЯГИВАЕТ УЧАСТНИКОВ И ДРУЗЕЙ

Наталья ЖУКОВА. Фото: пресс-служба Государственного Русского музея



Обладатель первого Гран-при конкурса
Ольга Усачева (Санкт-Петербург).

«Фигура К. Р., немного таинственная и романтическая, разбудит, мне кажется, неожиданные творческие глубины сознания молодых авторов». Когда в 2011-м, в год первого молодежного поэтического конкурса, организованного Русским музеем и Союзом писателей Санкт-Петербурга, его председатель Валерий Попов написал эти слова, он, вероятно, не предполагал, сколь проческими они окажутся. Не только для поэтов-авторов — для организаторов и партнеров конкурса тоже. Возникла настоящая «КаэРомания» — общность людей, объединившихся вокруг действительно загадочного и удивительного имени К. Р.

Константин Константинович Романов (внук императора Николая I)... Все, чего с лихвой хватило бы на нескольких человек, сошлось в одном. Одаренный музыкальным, поэтическим, актерским талантами, сам о себе он в год 30-летия написал в дневнике:

«Жизнь моя и деятельность вполне определились. Для других я военный, ротный командир, в близком будущем полковник. Для себя же я — поэт. Вот мое истинное призвание...»

Первые произведения с инициалами К. Р. появились в журналах в 1882 году. Императорское происхождение не позволяло автору ставить под ними свое подлинное имя. Однако, несмотря на высокий статус, Константин Константинович чутко воспринимал критику со стороны литераторов. Особенно ценил А. А. Фета, с ним великого князя связывало некоторое поэтическое сходство. Фет даже в шутку называл себя «бабушкой К. Р.».

К. Р. не ограничивался сочинением стихов — брался и за драматические произведения. Переводил Гете, Шекспира, Шиллера, был режиссером и актером домашних спектаклей, в которых принимала участие вся его семья. В постановке «Гамлета» (в соб-



*Растворил я окно, стало грустно невмочь,
Опустился пред ним на колени,
И в лицо мне пахнула весенняя ночь
Благовонным дыханьем сирени.
А вдали где-то чудно так пел соловей;
Я внимал ему с грустью глубокой
И с тоскою о родине вспомнил своей,
Об отчизне я вспомнил далекой,
Где родной соловей песнь родную поет
И, не зная земных огорчений,
Заливается целую ночь напролет
Над душистою веткой сирени...*

На эти стихи К. Р. написан знаменитый романс П. И. Чайковского

ственном переводе) сыграл главную роль. Образ принца Датского был особенно близок ему, постоянно размышлявшему над смыслом жизни. И хотя сейчас Романов интересен нам как поэт, нельзя не вспомнить о том, сколько он сделал в общественном отношении. Был одним из создателей Пушкинского Дома, ныне Института русской литературы РАН, попечителем Педагогических курсов при петербургских женских гимназиях, действительным членом Императорского общества поощрения художеств, Императорского Русского музыкального общества. Возглавляя в течение 26 лет Академию наук, стремился к тому, чтобы в ее составе появлялось больше российских ученых. Содействовал открытию обсерваторий, организации экспедиций на Шпицберген, Новую Землю, в Монголию. При К. Р. Мраморный дворец стал центром культурной жизни. В нем бывали Чайковский, Майков,

Великий князь Константин Романов
в роли Гамлета.

За роялем обладатель Гран-при III конкурса Марианна Соломко (Санкт-Петербург). Сбылась ее мечта: быть услышанной.

Музыкальная гостиная в покоях великого князя.

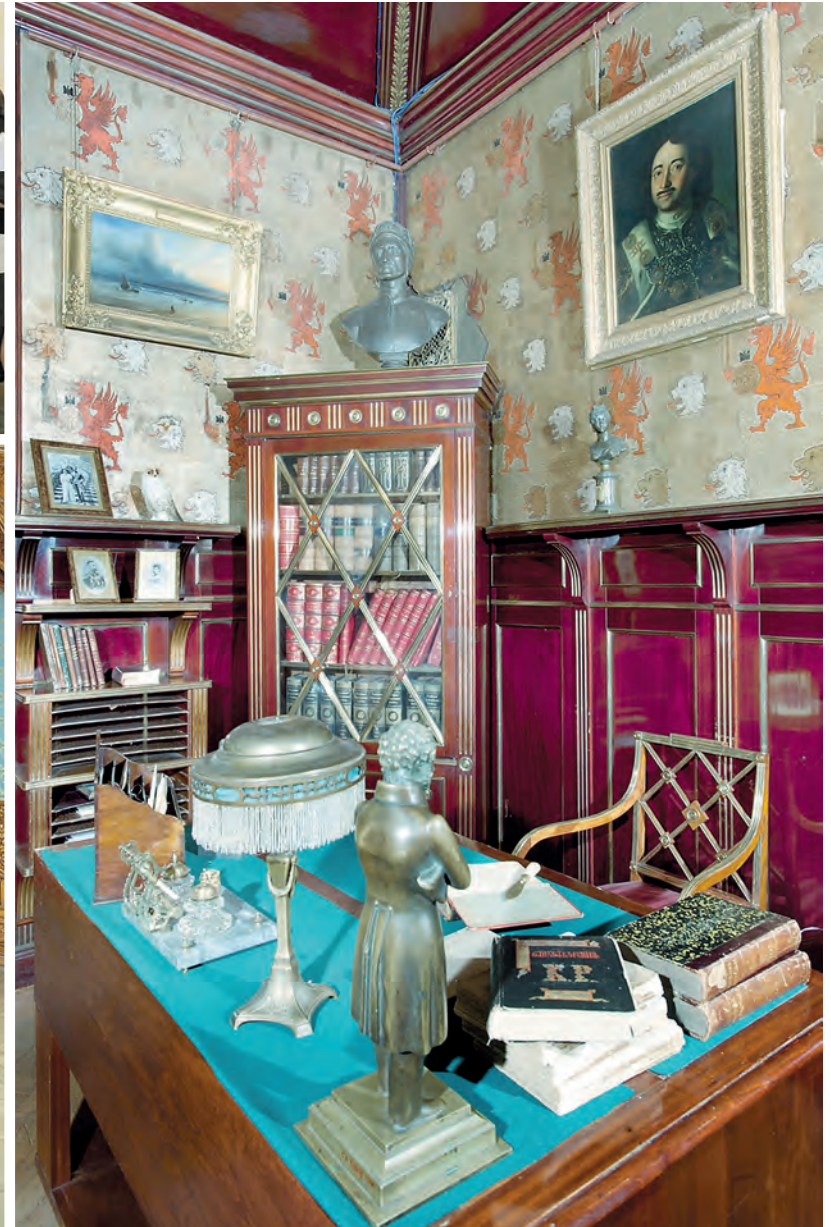
Кабинет К. Р.

За пять лет около двух тысяч молодых авторов прислали свои стихи в Русский музей.

Среди партнеров конкурса — Лицейский фонд и Всероссийский музей А. С. Пушкина, ГМЗ «Царское Село» и «Павловск», Библиотека имени В. В. Маяковского, дизайн-студия «Сова», типография «Премиум Пресс», «Китеж-град», книжная сеть «Буквоед», паромная компания «Таллинк Силья Лайн», Пушкинский фонд США...

Великий князь Константин Константинович (поэт К. Р.) в 1899 году возглавил Юбилейную комиссию по проведению торжеств, посвященных 100-летию А. С. Пушкина. Он же стал автором текста кантаты, созданной совместно с композитором А. К. Глазуновым к юбилею Пушкина. По завещанию К. Р., пушкинские реликвии, хранившиеся в его доме в Мраморном дворце, в том числе знаменитый перстень с изумрудом поэта, были переданы в Академию наук для хранения в Пушкинском Доме. Сегодня они находятся в фондах нашего музея, который просто не мог не стать партнером организаторов столь интересного поэтического состязания.

Сергей НЕКРАСОВ,
директор Всероссийского музея
А. С. Пушкина



Территория творчества



Рубинштейн, Гончаров. Читал отрывки из «Братьев Карамазовых» Достоевский...

История дворца, переплетенная с биографией Константина Романова, и вдохновила сотрудников Русского музея на организацию молодежного поэтического конкурса. Изначально он задумывался скорее как пиар-акция, с целью привлечения молодежи к музею. В первом конкурсе и номинации были сплошь посвящены музею: его картинам, скульптуре, дворцам, садам. Скептики говорили, что написать «заказные» стихи на тему картины не каждый поэт-профессионал возьмется. Однако эта «живописная» номинация оказалась самой востребованной и по-прежнему побуждает многих конкурсантов передать стихами свои впечатления от картин. Им это удается искренне и образно! Искусствоведы учредили даже специальный приз — за тонкое понимание живописного произведения молодыми поэтами.

С удивительной быстротой конкурс, не имеющий бюджета, в том числе рекламного, обрел общероссийскую, а затем и международную известность. Если в первом состязании приняли участие около ста человек, то в пятом — более шестисот. В оргкомитет приходят письма из Украины, Белоруссии, Молдовы, Казахстана, республик Прибалтики. Уровень присылаемых стихов, разумеется, различен, но попадаются и, без преувеличения, жемчужины. Номинации конкурса дают авторам простор для творческих поисков и интерпретаций: исторические темы, поэтические жанры (романс, баллада), посвящения самому К. Р., личность которого вдохновляет участников и на такой сложнейший жанр, как акrostих.

Конкурс стал для этих молодых людей «местом встречи» — виртуальной и реальной. Многие приезжают на финал из других городов — находят средства. По сути, в Мраморном дворце происходит ремейк того, что было здесь при К. Р., и сам великий

Победитель в номинации «Русская живопись» Иван Мурашов (Москва).

Необычный приз — росток петровского дуба из Летнего сада — получил Дмитрий Бобылев из г. Серова (Свердловская область) за победу в номинации «Русские принцессы» (к 400-летию Дома Романовых).

У конкурса большое будущее, ведь каждый классик был когда-то начинающим поэтом. Но не каждому жизнь предоставляет такие возможности для продвижения и развития.

Всеволод БАГНО,
директор Института русской литературы
(Пушкинский Дом)

Великий князь Константин Романов.
Фотография с автографом.

Финалисты III конкурса после
награждения — в покоях К. Р.

*В нашем технократическом мире надо
иметь большое мужество, чтобы не
бояться показывать душу «городу и
миру». Надо иметь большую смелость,
любовь и знания, да, знания, чтобы
писать стихи — об искусстве...
Я восхищен молодыми российскими
поэтами и питаю надежду, что однажды
в конкурсе зазвучат и стихи, написанные
по-немецки.*

Маттиас ХАНС,
коллекционер, Германия

*Сама идея конкурса полезна. Стихи для
К. Р. были возможностью преодолеть
трагический душевный разлад, они так
чисты и возвышенны. Это было его
бегство в высокую поэзию из волчьей
ямы жизни. И еще, как и положено
настоящему поэту, он предчувствовал
надвигающуюся катастрофу. И в иконе,
глядящей на колыбель сына, он уже
видел его будущее: «Сколько участия во
взоре/ этих печальных очей,/ будто им
ведомо горе/ будущей жизни твоей».*

Эдвард РАДЗИНСКИЙ,
историк, писатель

*Конкурс, который становится
замечательной петербургской
традицией, выполняет важную миссию —
открывает новые имена и содействует
становлению молодых одаренных поэтов.*

Ольга ТАРАТЫНОВА,
директор ГМЗ «Царское Село»



князь, наверное, порадовался бы стихам, вновь звучащим в стенах его дома. В исторических покоях Константина Романова проходит торжественное награждение победителей конкурса, который активно обрастает традициями и ритуалами.

Это и главный приз — «Свеча К. Р.» («Свеча горела на столе...» — строка самого К. Р.!) Каждый год его создают разные авторы; например, в 2013 году свеча была изготовлена в Царскосельской янтарной мастерской под руководством Бориса Игдалова. И вожденный сборник, в который входят стихи финалистов конкурса, и награждение, приуроченное ко Дню сла-



вянской письменности, творческие вечера и флешмобы, поездка в Стокгольм для обладателя Гран-при, сайт — собственное пространство в Интернете, фирменные значки сообщества.

— Для молодых поэтов это ступенька в большое творчество, поддержка на литературном поприще, — считает председатель оргкомитета конкурса, заведующий Мраморным дворцом Сергей Любимцев. — Но и организаторов он стимулирует к новым изысканиям. Так, по ходу конкурса наши научные сотрудники открыли практически новое литературное имя: Вера Константиновна Романова. Сестра К. Р., которая тоже писала стихи, только, про-

Территория творчества

*И снова в этом зале льются звуки —
Как залпы звонки, зарево и зной.
По клавишам рояля мчатся руки,
Пленяют строфы музыки игрой.*

*О, Вы, соединивший нас под сенью
Таинственного имени, — Вы здесь —
В дыхании живом стихотворений,
В сиянии торжественных словес,*

*И в этой теплоте счастливой встречи,
И в городе, осыпанном весной,
Где рвется ввысь сиреневое вече
И в зале бьется музыка волной*

*Стихотворений. Сумерки сирени
Дрожат во льду бокальных полусфер.
Мы собрались по тайному веленью
Загадочного имени К. Р.*

Александра САМСОНОВА,
победительница III конкурса (в младшей группе)

жив всю жизнь в Германии, на немецком языке. Она переводила на немецкий произведения русских поэтов, включая стихи брата. Глубокое исследование этой поэтической ветви императорской семьи еще впереди.

...Отчасти шуточный термин «КазРомания» обозначает необычное и серьезное явление. Каждый, кто с именем К. Р. соприкасается, попадает в магическое поле, в котором действуют свои законы. Где все само, без проблем, складывается. Сотрудники Мраморного дворца объясняют это по-своему: «ЕМУ нравится». Под влиянием этого поля все словно стремятся заслужить похва-



лу Константина Константиновича; это желание передается по цепочке. Вот и финалисты третьего конкурса внесли свои первые скромные гонорары в фонд проекта. Купленную на эти деньги книгу писем К. Р. подарили самой юной участнице-2014.

Как не поверить в четвертое измерение, где встречаются добрые мысли и дела, если оно то и дело подает нам знаки? В 2013 году подарком финалистам конкурса от ТурПрессКлуба была экскурсия в Павловск — по местам Константина Романова. Как выяснили организаторы, номер предоставленного им автобуса начинался с букв КР...

Александру Самсонову (г. Истра Московской области) награждают директор Всероссийского музея А. С. Пушкина Сергей Некрасов и председатель оргкомитета конкурса Сергей Любимцев.

Меня искренне радует, что сегодняшняя молодежь интересуется не только спортом и поп-музыкой, но и отечественной культурой, историей и искусством нашей страны.

Александр КУШНЕР,
поэт, лауреат Государственной премии РФ

Образ и документ

КАК СОЗДАЕТСЯ МУЗЕЙ ИОСИФА БРОДСКОГО В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Нина ПОПОВА, директор Музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме

Фото: архив Музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме, Юрий Молодковец, Тимур Тургунов

ПОЛЕТ ЯСТРЕБА

Впервые я услышала о Бродском осенью 1958 года — мы ведь одного поколения. Большой зал филфака университета (имени Жданова!), где нам читали лекции по истории КПСС, основам литературоведения, языкознанию. Мы — девочки-отличницы в первых рядах. А «на камчатке» группа ребят, иронично комментирующих лектора. И среди них один рыжий, которого все знают. Иосиф приходил в университет явно не для того, чтобы слушать про КПСС. Уйдя из школы в восьмом классе, он уже многое понимал, не принимал ложь и общественное лицемерие. А девочкам-отличницам еще предстояло в течение долгих лет, расширяясь, обретая опыт, вырабатывать собственные оценки. Кроме таланта поэтического, Бог дал ему великий талант сопротивления и способность пробивать толщу банальных представлений о жизни.

В сознании среднего человека все происходит постепенно. Поэт осознает в десятки раз быстрее и острее.

Мне Бродский до сих пор невероятно интересен — как поэт и как личность. А тогда я его воспринимала с долей опаски и удивления. В университете ходили по рукам его «Пилигримы» — машинопись на желтоватой бумажке: «Мимо ристалищ, капищ...». Этот ритм захватывал своей непохожестью на все, прежде слышанное. Но «правильное» сознание отличницы не позволяло пойти на контакт с автором. Хотя он был где-то рядом.

На одной из наших выставок в музее — уже после 1996 года — была рукопись Бродского, привезенная из Нью-Йорка. Список книг, обязательных для чтения, который он составил для своих студентов в конце 1980-х. Начинается с «Бхагавадгиты», «Гильгамеша», Ветхого Завета. Потом десятки произведений древнегре-



Территория творчества



Нина Попова:
— На мой взгляд, музей может состояться при совпадении четырех условий...

Незадолго до открытия музея ему были подарены предметы и книги из последней квартиры Иосифа Бродского в Нью-Йорке.



Фото на странице 12:
Иосиф Бродский. Ленинград, конец 1950-х гг.
Фотография А. И. Бродского.



Дом Мурузи с балконом — принадлежностью «полутора комнат» — и мемориальной доской.

ческих и латинских классиков. И заканчивается именами 44 поэтов из XX века. Там много книг, которые я не читала и вряд ли уже прочитаю...

И еще он, как Ахматова, умел взглянуть на жизнь, которая будет после него, не боялся смерти. Он понимал, что такое вечность, что история на нем не заканчивается. Для меня это высокий и единственно правильный — экзистенциальный взгляд на мир.

Я очень люблю его прозу: «Полторы комнаты», «Трофейное», «Речь на стадионе». Многие стихи отношу к вершинам поэзии. Например, «Осенний крик ястреба» — размышления о поэте: само призвание выталкивает его в пронизанную холодом стратосферу, чтобы там сгореть, задохнуться от недостатка кислорода. Творчество как разрушительное наваждение, кара и мука. А дети (это мы, читатели), ловя его перышки с неба, радостно кри-

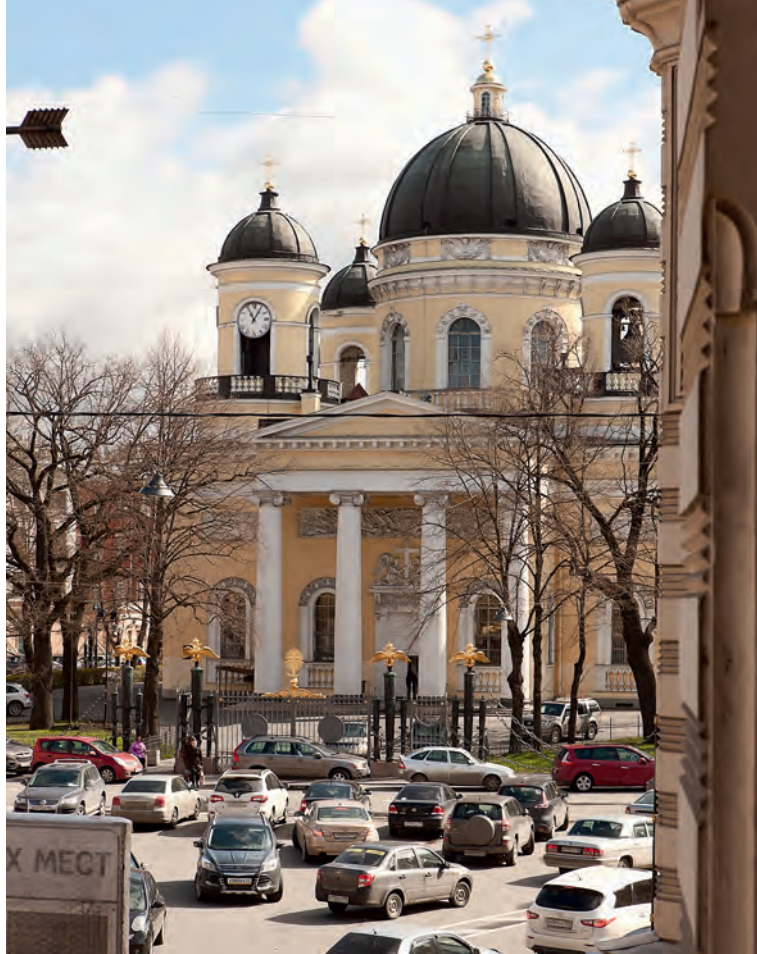
чат: «Зима! Зима!» Судьба поэта, включенная в необратимый закон мироздания.

Открывая музей в Доме Мурузи (Литейный пр., 24), мы хотели представить жизнь Бродского как полет, от первой и до высшей точки перехода в вечность, пускай он жил здесь только до 1972 года.

НА ВОЛНЕ ВРЕМЕНИ

Мне кажутся более убедительными те музеи, которые создаются на волне времени. Как Музей Ахматовой в 1989-м, когда общество хотело прочесть ее стихи, десятилетиями томившиеся под спудом, когда впервые был напечатан «Реквием». И сейчас для меня удивительно, насколько нынешнее время востребует Бродского, подчеркнуто не принимавшего то время и тот режим, который не признавал его за поэта и потому судил.





*Мимо ристалищ, капищ,
мимо храмов и баров,
мимо шикарных кладбищ,
мимо больших базаров,
мира и горя мимо,
мимо Мекки и Рима,
синим солнцем палимы,
идут по земле пилигримы.
Увечны они, горбаты,
голодны, полуодеты,
глаза их полны заката,
сердца их полны рассвета...*

С балкона «полтора комнат» все так же виден сквер перед Спасо-Преображенским собором и сам собор, обнесенный черной чугунной оградой, только машин заметно прибавилось.

Иосиф Бродский на балконе. 1956 г.
Фотография А. И. Бродского.
Из собрания М. И. Мильчика.

Не впервые работаю над созданием музейной экспозиции, но такого «сопротивления материала» не припомню. На мой взгляд, музей может состояться при совпадении четырех условий. Первое: наличие пространства, подлинных или мемориальных комнат. Второе: наличие коллекции, то есть подлинных вещей. Третье: наличие профессиональной команды, готовой одержимо работать. Четвертое (по порядку, не по значению): наличие концепции, идеи. Почему же так непросто, так невероятно долго рождался столь востребованный музей Иосифа Бродского в Доме Мурузи?

Казалось бы, все ясно: пространство — это квартира на углу улицы Пестеля и Литейного проспекта, где Бродские жили с 1955 года. Четыре комнаты из пяти уже несколько лет как выкуплены Фондом создания музея. Но последняя остается в собственности соседки, Нины Васильевны Федоровой, которая категорически от-

казывается — на что имеет право — отсюда уезжать. Буквально несколько месяцев назад глава Центрального района Мария Дмитриевна Щербакова все-таки убедила ее поставить подпись на проекте разделения квартиры. Но и теперь только после установки перегородки и получения двух ордеров удастся перевести помещения будущего музея из жилого фонда в нежилой. Лишь тогда их музейный статус может быть подтвержден юридически. Но мы сумели его открыть до этого — 24 мая, в 75-й день рождения поэта.

Фонд создания музея и его председатель Михаил Исаевич Мильчик много сделали за минувшие шестнадцать лет при поддержке правительства города и спонсоров в лице Альфа-Банка, компании «Морской фасад» и других. Но лишь 10 марта в квартире наконец-то начались ремонтно-реставрационные работы, их курируют Комитет по культуре, вице-губернатор Владимир Вла-

Бродского в Ленинграде по-настоящему слышали немногие, в том числе в кругу поэтов. Помоему, даже чуткий к молодым талантам Глеб Семенов его не услышал. Ему казалось, что неумеренностью формулировок и самой манерой чтения Бродский провоцирует скандал. Да, Бродский не укладывался в нормы, в «поэтические собрания» и «кружки», изначально шел своим путем. И был готов сразу отринуть то, что считал навязанным.



Фото слева направо:
Лестница, ведущая к будущему входу в музей.

Коммунальная кухня сохраняет предметы советского быта.

На первом этапе произведено укрепление перекрытий между 1-м и 2-м этажами, находившихся в аварийном состоянии, и косметический ремонт кухни, коридора, мемориальных «полутора комнат» и еще двух, угловых с эркером, принадлежавших соседям. Все ремонтные работы выполнены Петербургским фондом создания музея Иосифа Бродского на средства жертвователей.

Автор временной экспозиции в Доме Мурузи — архитектор и художник Сергей Падалко.

димирович Кириллов, советник губернатора Александр Федорович Малышевский. Процесс, надеюсь, стал необратимым.

Отделив комнату соседки, мы теряем исторический вход в квартиру с улицы Пестеля по парадной лестнице. Черный ход через кухню, которым почти никто никогда не пользовался, становится входом в музей. Не все, и прежде всего друзья Бродского, мгновенно с этим согласились. Важно, что этот вынужденный компромисс открывает путь к ремонту квартиры: комнаты, в которых давно никто не живет, в затянувшемся ожидании лучших времен дряхлеют, угасают, становятся похожими на склеп. Их надо срочно выводить из этого состояния.

Обычно музей начинается с входной зоны, за ней следует экспозиционная. У нас посетитель сразу попадает в экспозиционное пространство: коммунальная, поразительно фактурная кухня, где сохранились старинная деревянная плита, три газовые плиты, стол, о ножки которого, по словам той самой соседки, кот Бродских точил когти. На этом сугубо бытовом узнаваемом фоне звучит стенограмма суда над Бродским: текст ее несколько лет назад мы записали в прочтении Якова Аркадьевича Гордина. Помните, на презрительный вопрос судьи: «Откуда вы знаете, что вы поэт?» — Бродский отвечает: «Я думал, что это — от Бога». И все это дух времени — непритязательный интерьер коммуналки, жестокость и равнодушие брежневского режима, организовавшего судилище над поэтом, гордое самосознание поэта.

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ

В экспозиции любого музея присутствует несколько образных и смысловых слоев. Есть предметный ряд — подлинные вещи, документы, подчас он доминирует. В данном случае есть и другой, едва ли не главный — метафизический. Намеренно использую это определение из поэтики Бродского. Тени людей, некогда населявших квартиру, их отражения и голоса. Звуки — прежде всего стук клавишей пишущей машинки. В «Полутора комнатах» Бродский



вспоминал: «Я держал ее (машинку) на письменном столе, вдвинутом в нишу, образованную заложённой кирпичами дверью, которая некогда соединяла полторы комнаты с остальной анфиладой... Поскольку у соседей с противоположной стороны этой двери стоял рояль, я со своей заслонился от бреччания их дочери стеллажами... Два зеркальных шкафа и между ними проход — с одной стороны; высокое зашторенное окно точно в полуметре над коричневым, довольно широким диваном без подушек — с другой; арка, заставленная до мавританской кромки книжными полками сзади; заполняющие нишу стеллажи и письменный стол с ундервудом у меня перед носом — таков был мой Lebensraum... То были лучшие десять метров, которые я когда-либо знал. Если пространство обладает собственным разумом и способно выказывать предпочтение, то существует вероятность, что хотя бы один из тех десяти метров тоже может вспоминать обо мне с нежностью».

И голоса... Голос Бродского, читающего стихи, с неповторимой восходящей интонацией. Читающего для себя, не на публику,

Территория творчества

вслушиваясь в их ритм. Голоса его родителей, их увещания и наставления сыну, навсегда оставшиеся в этих стенах: «В день рождения и на Новый год надо надеть что-нибудь новое. Хотя бы носки» (это мама). «Всегда поешь, прежде чем иметь дело с кем-нибудь вышестоящим: начальником или офицером. Это придаст тебе уверенности» (отец). «Если ты вышел из дому и должен вернуться, потому что что-то забыл, посмотри в зеркало, прежде чем снова выйти. Иначе тебя ждет неудача» (опять она). «Никогда не думай, сколько теряешь. Думай, сколько можешь приобрести» (это он)...



Возвращение, Время и Память выступают как незримые несущие конструкции музейного пространства. Память возвращает поэта в ленинградское время, в свой дом, к родителям и друзьям, к себе самому. Память о родителях, отягощенная чувством вины. В основе экспозиции — подлинные фотографии. Александр Иванович Бродский часто фотографировал членов семьи, друзей, знакомых, бывавших в доме.

Поэтому возник замысел: сделать большие отпечатки с этих документальных снимков и разместить их в «полутора комнатах». Чтобы, переступив порог квартиры, посетители перенеслись в то время, увидели окружавших Бродского людей. И его самого — на балконе с видом на Спасо-Преображенский собор. Там будет мольберт с одной из фотографий Иосифа, которые в день рождения сына всегда делал отец.

На стенах «полутора комнат» — полупрозрачные баннеры, в их нижней части увеличенные копии фотографий интерьеров. Большой буфет, этажерка, круглый стол под абажуром — как тени некогда стоявших здесь вещей. В верхней части — фотографии тех, кто каждый год в день рождения Иосифа и после его отъезда приходил к его родителям отмечать эту дату.

В комнате Иосифа — копии открыток и фотографий, стоявших на полках и письменном столе. Голос Бродского, читающего свои стихи, и фонограмма 17-го Дивертисмента Моцарта в исполнении оркестра под управлением Курта Зандерлинга (эта пластинка осталась в проигрывателе в день его отъезда в эмиграцию).

Часть комнаты поэта занимала импровизированная фотолаборатория отца, о чем напоминает подсвеченная красным светом инсталляция: фотоувеличитель, фотокуветы, фотокамера ФЭД. Александр Иванович «повидал шестую часть суши (обычное количественное определение территории СССР) и немало воды, — писал Иосиф Бродский в «Полутора комнатах». — Война началась для него в 1940 году в Финляндии, а закончилась в 1948-м в Китае... Был отправлен на Ленин-



Иосиф Бродский с кошкой. Ленинград, конец 1960-х — начало 1970-х гг. Фотография А. И. Бродского.

Фото слева: Я держал ее (машинку) на письменном столе, вдвинутом в нишу...

Иосиф Бродский, «Полторы комнаты».





Иосиф и Александр Иванович Бродские.
Ленинград, 1967 г.
Фотография (предположительно)
А. И. Бродского.

Мария Моисеевна и Иосиф Бродские.
Ленинград, 1968–1969 гг.
Фотография А. И. Бродского.

Фото на странице 19:
Первая (временная) экспозиция
мемориального музея «Полторы комнаты»
в Доме Мурузи.

градский фронт, сделал лучшие из виденных мною фотографий осажденного города и участвовал в прорыве блокады... Круглый год, за исключением зимы, он носил черную морскую фуражку с лакированным козырьком. Ему нравилось находиться вблизи воды, он обожал море. В этой стране так ближе всего можно подобраться к свободе. Даже посмотреть на море иногда бывает достаточно, и он смотрел и фотографировал большую часть жизни». Фотографии, сделанные отцом, стали частью экспозиции: для сына они были своеобразным способом расширения и освоения пространства мировой истории и культуры.

В центре большой комнаты, выходящей окнами на собор, бюст Бродского работы петербургского скульптора Владимира Свердлова, предложившего необычный метафорический образ поэта. В этой же комнате копии фотографий церемонии вручения Иосифу Бродскому Нобелевской премии в Стокгольме, а также фотографии Ахматовой, Цветаевой, Одена и Фроста — поэтов, которых в нобелевской речи (фрагмент ее аудиозаписи озвучивает инсталляцию) он назвал своими учителями.

В музеях, называемых мемориальными, тоже может меняться экспозиция, но, наверное, самая подлинная константа — вид из окон. Подчас он остается неизменным и спустя столетия. С балкона «полутора комнат» все так же виден сквер перед Спасо-Преображенским собором и сам собор, обнесенный черной чугунной оградой с тяжелыми цепями. «Видишь их? — спрашивает отец, указывая на тяжелые звенья цепи. — Что они напоминают тебе?» Я второклассник, и я говорю: «Они похожи на восьмерки». «Правильно, — говорит он. — А ты знаешь, символом чего является восьмерка?» — «Змеи?» — «Почти. Это символ бесконечности». — «Что это — бесконечность?» — «Об этом спроси лучше там, — говорит отец с усмешкой, пальцем показывая на собор», — вспоминает Бродский. Поэзия как форма вечности и бесконечности — тоже одна из тем экспозиции в Доме Мурузи.

Последнее экспозиционное пространство — небольшая комната, посвященная путешествиям Бродского, прежде всего поездкам в Венецию. Документальные видеозаписи помогают понять, что связывало поэта с этим городом, почему он здесь нашел упокоение.

Недавно в Петербург были доставлены (при участии и финансовой поддержке директора галереи дизайна Vulthaur Лини Ефимовны Перловой) предметы и книги из последней квартиры Иосифа Бродского в Нью-Йорке. Это уже второй дар Марии Соццани-Бродской, совпавший по времени с Годом литературы в России, 75-летним юбилеем Иосифа Бродского и открытием его ме-



Меценатский вклад в создание музея:

ОАО «Альфа-Банк» — выкуп комнаты родителей И. Бродского и двух угловых комнат в 2002 и 2004 годах.

ОАО «Тюменская нефтяная компания — ВР-Менеджмент» совместно с ЗАО «Центр долевого строительства» — выкуп комнаты И. Бродского в 2010 году.

ЗАО «Речной порт «Морской фасад» — капитальный и косметический ремонт в 2015 году.

ЗАО «Адвекс-Траст», Адвокатское бюро «S & K Вертикаль» — оплата коммунальных услуг.

То были лучшие десять метров, которые я когда-либо знал.

Иосиф Бродский,
«Полторы комнаты».

Иосиф Бродский у себя в комнате.
Ленинград, 1966 г.
Фотография А. И. Бродского.



мориального музея. Первый мы получили двенадцать лет назад, благодаря чему в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном доме теперь можно увидеть «Американский кабинет Иосифа Бродского», с подлинными вещами из его профессорского дома в Саут Хедли. Впрочем, передавать предметы для будущего музея Бродского его друзья начали еще 25 лет назад.

Не устаю повторять: создание музея, тем более такого сложного поэта и явления, каким был Бродский в истории отечественной и мировой литературы, общественной жизни, — не погоня за сенсациями, а серьезная работа для профессионалов. На протяжении многих лет ее выполняют замечательные специалисты — куратор проекта, заместитель директора Музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме Анна Соколова, научные сотрудники музея Ольга Морозова, Наталья Громова, Ирина Бородина, Ирина Кондратьева, художник Игорь Лебедев.

ДИАЛОГ С ПОКОЛЕНИЯМИ

В чем смысл литературного музея? В постоянном диалоге с посетителями. Правильно разместить предметы — это еще не всё. Надо почувствовать, как воспринимают увиденное и услышанное люди, что им дорого в поэзии Бродского.

В таких музеях не бывает вечных экспозиций. Придется думать, как расставить новые акценты, чтобы вступить в общение с теми, кто придет сюда в следующем десятилетии. Мне очень хочется, чтобы Бродский оставался «питерским», он любил это слово. При этом понятно, что перед нами поэт универсальный, мирового масштаба, с опытом жизни в XX веке. Умевший критически оценивать политические системы, будь то развитой социализм или американская демократия, опираясь на представления о добре и зле для отдельного человека. Утверждавший как заповедь, обращенную в «Речи на стадионе» не только к своим студентам, но и ко всему человечеству: «Старайтесь не слишком полагаться на политиков... Они могут в лучшем случае несколько уменьшить социальное зло, но не искоренить его... Старайтесь уважать жизнь не только за ее прелести, но и за ее трудности... Старайтесь помнить, что человеческое достоинство — понятие абсолютное, а не разменное... Мир, в который вы собираетесь вступить, не пользуется хорошей репутацией. Он лучше с географической, нежели с исторической точки зрения... Это не милое местечко, как вы вскоре обнаружите, и я сомневаюсь, что оно станет намного приятнее к тому времени, когда вы его покинете. Однако это единственный мир, имеющийся в наличии: альтернативы не существует».

«Надеяться не на кого, кроме как на самого себя... Единственный выход из ситуации — это продрасть сквозь ситуацию...» — обращался Бродский к молодым людям. Нам важно узнать, как они воспринимают поэзию и жизнь Бродского сегодня и как воспримут завтра.

Притяжение Норинской

В КОНОШСКОМ РАЙОНЕ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ ОТКРЫЛСЯ МУЗЕЙ ИОСИФА БРОДСКОГО

Михаил МИЛЬЧИК, председатель правления Санкт-Петербургского фонда создания музея Иосифа Бродского, историк искусства. Фото: Михаил Мильчик, Юрий Гнатюк (Архангельск)

Деревня Норинская вошла в мою жизнь, когда Иосиф еще был в ссылке. Я уже тогда занимался изучением деревянной архитектуры Севера и пристрастился к экспедициям, с этим изучением связанным. Более того, еще до суда над Бродским мы с ним обсуждали возможность совместной поездки. Он очень любил ездить по стране, и мне казалось, что это реально. Но ситуация повернулась совсем иначе: Иосиф оказался на Севере не по своей воле... Возвращаясь с Печоры в августе 1964-го, я написал ему о том, что хотел бы завернуть в Норинскую. Свалиться на голову считал не совсем удобным, не исключал, что там могла оказаться его любимая женщина Марина Басманова, и я стал бы третьим лишним. Написал из Усть-Цильмы, где провел примерно две недели, надеясь получить ответ до востребования, но не по-

лучил. Интересно, что письмо это сохранилось и находится ныне в Национальной (Публичной) библиотеке, в отделе рукописей, в фонде Иосифа Бродского. Так что и навестить его в тех краях не удалось. Впрочем, когда в один из первых вечеров после возвращения из ссылки Иосиф читал мне «Новые стансы к Августе», я понял, что он, несмотря на неволю, сумел ощутить неяркую красоту северной природы...

В Норинскую я попал только в 2002 году, в ходе экспедиции со студентами Санкт-Петербургского архитектурно-строительного университета, чтобы увидеть и обмерить дом Константина и Афанасии Пестеревых, в котором Бродский прожил основную часть ссылки. Хозяева уже умерли, но признаки еще недавно жилого дома сохранялись. И другие дома на главной улице были в небезнадежном состоянии. Бо-



В Норинскую, к Бродскому теперь ведет асфальтовая дорога.

Территория творчества



Однажды он должен был пасти телят, а те разбежались, вспоминала его первая хозяйка Таисия Ивановна Пестерева: «Он бегом за ними. Кричу ему: не бегай бегом, растрясешь малину-то, я сейчас железной поколочу, и телята вернутся все!»

Норинская. Иосиф Бродский около дома Пестеревых. Август — сентябрь 1964 г. Фотография А. И. Бродского из собрания М. И. Мильчина.

Пестерева, что нередко встречалось в крестьянских домах, приклеивали получаемые ими по праздникам открытки к стенке шкафа, видимо, из чисто декоративных соображений.

Фото справа: Поздравительные открытки стали прообразом оформления музейного интерьера. 2006 г.

лее того, в них еще жили люди, в том числе почтальон Мария Ивановна Жданова, которая тепло вспоминала о Бродском, не вполне понимая, чем же он сумел так прославиться; еще несколько человек, с которыми я тогда общался. Было очевидно, что дом нужно выкупить, отремонтировать и в итоге музеефицировать, и мы говорили об этом с руководством района.

Но время шло, дом понемногу разваливался и стал аварийным, тем не менее денег за него наследница хотела много. Деньги мы (Петербургский фонд создания музея Иосифа Бродского) искали долго, а пока искали, нашли и выкупили за приемлемую сумму другой характерный для этих мест дом, метрах в 250 по дороге, и передали его Коношскому краеведческому музею. В нем сейчас развернута экспозиция, рассказывающая об истории деревни и традиционном крестьянско-колхозном быте прошлого столетия.

Наконец новый губернатор Архангельской области Игорь Орлов понял, что создание музея Бродского может повысить интерес к району, не очень богатому памятниками, послужить

средством подъема культуры. С его помощью были найдены спонсорские средства на выкуп и реставрацию дома. Она проведена по проекту опытного петербургского архитектора-реставратора Ирины Воиновой — она, кстати, родом из соседнего с Коношским Вельского района. Удалось сохранить до 70 процентов подлинных элементов (хорошим показателем обычно является 50 процентов); бригада плотников, которую пригласил предприниматель и меценат из Устьянского района Владимир Буторин, хотя и не имела реставрационного опыта, постаралась на славу. Такие «мелочи», как старая скрипучая дверь, широкие половицы, накатной (круглый) потолок плюс керосиновые лампы (электричества во времена ссылки Бродского в деревне не было), создают ощущение достоверности...

Открытие музея состоялось 8 апреля. Дата выбрана не случайно: в этот весенний день 1964 года Бродский был зачислен разнорабочим в штат совхоза «Даниловский». С губернатором, приехавшим на открытие, мы обсуждали насущный вопрос о будущем деревни, где уже не осталось постоянных жите-



Территория творчества



лей. А между тем еще целы дом Таисии Пестеревой (где Иосиф поначалу жил), он используется как гостевой, но, безусловно, должен быть отреставрирован; контора совхоза, несколько других домов — подлинных образцов народной архитектуры. И, к счастью, не исчезло главное — завораживающие пейзажи, дороги, уходящие в леса, полузаросшие поля...

Теперь неотложная задача — сохранить облик деревни с ее округой таким, каким он был в 1960-е годы, не допустить появления всяческих новоделов. Этого можно избежать, придав ей статус достопримечательного места и параллельно занимаясь поиском источников финансирования. Я предложил устроить в Норинской базу Арктического университета имени М. В. Ломоносова, расположенного в Архангельске, чтобы проводить летние и зимние школы с погружением студентов в уникальную историко-культурную среду, или же дом творчества, а может быть, и еще что-то. Тем более что сегодня Норинскую уже не назовешь глухоманью: до железнодорожной станции немногим более 20 километров, деревня стоит теперь на асфальти-

рованной дороге Коноша — Вельск, а через Вельск проходит трасса Москва — Архангельск.

Серьезной концепции музея в Норинской пока нет, наличествует лишь схема: собственно жилые помещения, а именно изба и зимник (пристройка) отданы под мемориальную экспозицию, повесть (сеновал на втором уровне) — под выставочное пространство; сам же дом принадлежит некоммерческому партнерству, специально созданному в Коноше. Но появляются первые традиции, навеянные в том числе эпизодами сельского бытия опального поэта...

В сентябре 1965 года досрочно освобожденный Иосиф Бродский пообещал своей квартирной хозяйке вернуться и помочь убрать урожай картофеля. Известно, что в Норинскую Бродский больше не вернулся, хотя вспоминал о ней неоднократно даже в Америке. И вот уже два года местные энтузиасты сажают и по осени выкапывают «картошку от Бродского» — говорят, клубни урождаются крупные и при варке рассыпчатые. Облагораживается территория вокруг дома-

Рабочий уголок у окна воссоздан по фотографиям и описаниям приезжавших к нему отца и друзей.

В своей комнате. Норинская. Август — сентябрь 1964 г. Фотография А. И. Бродского из собрания М. И. Мильчика.

В ходе реконструкции дома были обнаружены и приведены в порядок вещи, принадлежащие Бродскому: неросиновая лампа, фотобачок, крышка от посылочного ящика с указанием адресата и обратного адреса родителей поэта, другие предметы домашнего обихода, крестьянская утварь.

Инициатор и мотор создания музея И. Бродского в Норинской — руководитель Агентства по печати и средствам массовой информации Архангельской области Алла Валуйских.



Территория творчества



Михаил Мильчик в избе Пестеревых, ставшей музеем.

В зимнике предстоит развернуть экспозицию.

Фото на странице 24:

Дом Пестеревых после реставрации.

музея. В мае 2013-го журналисты области, Санкт-Петербурга и Москвы заложили вместе с губернатором Игорем Орловым березовую аллею. С каждым годом она разрастается, на ней уже более ста деревьев с именными табличками. В Коноше и Норинской проводятся литературные чтения, на которых звучат сочиненные в этих местах стихи будущего нобелевского лауреата.

Получается, что коношане опередили петербуржцев с открытием музея Бродского, но меня это ничуть не огорчает. Напротив, у него есть все шансы стать живым и органичным. Тогда он будет интересен не только старшему поколению, но и молодежи, как, например, Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме.

Мемориальный музей — это своего рода мост между прошлым и будущим, и, если по нему не ходить, он теряет смысл. В то же время такой музей — это всегда знак прошедшей жизни, это застывшая история, как бы мы ни оживляли его всякими интерактивными штучками. Но они допустимы, если

при этом превалирует подлинность — достоверность, а не театральность и реконструктивность, а еще, если рядом идет живая жизнь: выставки, диспуты, концерты...

Вот почему форсированное — через раздел квартиры и непростой ремонт — создание музея, в которыйходишь со двора по черной лестнице (имею в виду предполагаемый музей Бродского в Петербурге, в Доме Мурузи), — мне представляется временным и вынужденным ввиду нарушения исторической правды, неуважительным по отношению к поэту и к будущим посетителям, не говоря уже об очевидных функциональных неудобствах. Его можно рассматривать лишь как шаг к воссозданию подлинной обстановки квартиры, в которой на протяжении долгих 17 лет жил Иосиф Бродский с родителями. И не столь важно, откроется этот полноценный музей к 75-й годовщине рождения поэта или даже к 80-й: тише едешь — дальше будешь.

В конце концов мы уже имеем дело с вечностью, которая не терпит суеты.



Руины церкви в селе Даниловском — центре бывшего совхоза и сельского совета, в 5 километрах от Норинской.

Ближе, чем кажется

РОДИНА КОЗЬМЫ ПРУТКОВА ОБЕЩАЕТ УНИКАЛЬНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ В ОБМЕН НА ДОРОЖНЫЕ ТЯГОТЫ

Галина ЕРОФЕЕВСКАЯ, исполнительный директор Фестиваля Козьмы Пруткова

Фото: Агентство по печати и СМИ Архангельской области, газета «Двинская правда»



Старинный герб Сольвычегодска: «В первой части щита герб Вологодский. Во второй части две ступки соли в красном поле».

КЛЮЧ — В ИСТОРИИ

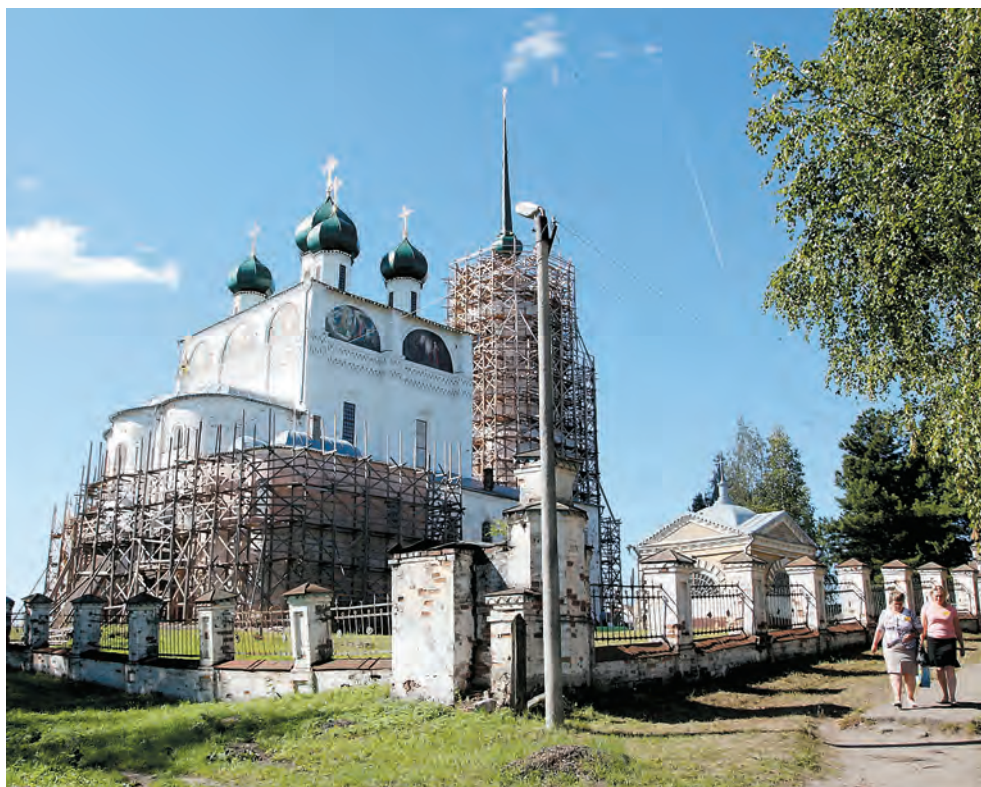
Сольвычегодск был основан в том же 1492 году, когда Колумб открыл Америку. Но у старинного города на архангельской земле хватает своих поводов для гордости. В названии его сошлись добывавшаяся здесь СОЛЬ и ВЫЧЕГДА — река, по которой этот незаменимый продукт доставлялся в Центральную Россию. Сольвычегодск сохранил историческую среду: 26 памятников, из них четыре федерального значения, один из которых — Благовещенский собор — был домовым храмом Строгановых. Род «именитых русских людей» берет начало именно в этих местах, где в 1515 году Аника Строганов установил свою первую соляную варницу. Храм же, задуманный им в подражание кремлевскому Благовещенскому собору как ризница и усыпальница, был заложен в 1560 году, достро-

ен его сыновьями и внуками и отметил в этом году 430 лет со дня освящения.

Поэт Константин Случевский, сопровождавший в поездке по северным губерниям великого князя Владимира Александровича в 1885 году, отмечал: «Мало на Руси храмов, сохранившихся в такой удивительной неприкосновенности». И сейчас он являет собой XVI век. Храм уцелел, потому что в 1919 году в нем решено было открыть историко-художественный музей.

Основатель и первый директор музея Илья Томский еще в 1918 году направил докладную записку губернскому руководству: «Нет ни одного туриста, который, путешествуя по Северу, объехал бы Сольвычегодск... И если наши памятники погибнут по нашему нерадению, то на нас и русскую демокра-

Территория творчества



Благовещенский собор
хранит память о XVI веке.

Вдоль по Вычегде.

Дом купцов Пьянковых
(первая половина XIX века) —
памятник истории и архитектуры
федерального значения.
В настоящее время реставрируется.





Территория творчества

тию ляжет тяжелое сознание, что мы могли спасти эти сокровища человеческого духа, но не спасли их».

Действительно, музей обладает уникальными коллекциями древнерусской живописи и лицевого шитья строгановской школы, изделий из серебра, деревянной скульптуры. Есть в Сольвычегодске и другие храмы, памятник XIX века — усадьба купцов Пьянковых. В городе дважды в 1909–1911 годах отбывал ссылку И. В. Сталин (первый раз бежал, переодевшись в женское платье), о чем доподлинно напоминают экспонаты мемориального музея. Еще одна местная достопримечательность — бальнеологический санаторий с многопрофильным лечением на основе сапропелевых грязей и минеральной воды, в советское время — профсоюзная здравница.

В общем, точка на карте притягательная, если бы не оторванность от больших городов. Как попасть в наш Сольвычегодск? Сперва нужно добраться поездом или автомобилем до Котласа, что само по себе не близко, а дальше — паромная или понтонная переправа через Вычегду. Ввиду удаленности от транспортных и торговых путей особенно трудными для провинциального городка оказались 1990-е годы. На грани закрытия был санаторий, ветшали памятники архитектуры.

Тем не менее в 1992 году горожане и гости торжественно отметили 500-летие Сольвычегодска. Тогда многим стало понятно, что ключ к возрождению города надо искать в его богатой истории. На следующий после юбилея год сотрудники музея предложили возродить в Сольвычегодске традиционную Прокопьевскую ярмарку. Названная в честь Прокопия Праведного Устюжского, в XVII–XVIII веках при Строгановых она играла важную экономическую роль. В новых реалиях было решено придать празднику иное, несколько неожиданное направление. В 1997 году в рамках ярмарки был проведен первый региональный Фестиваль Козьмы Пруткова.

Территория творчества



ПОЧЕМУ КОЗЬМА?

«В 1801 году 11 апреля в 11 часов вечера в просторном с мезонином доме владельца деревни Тентелевой, что близ Сольвычегодска, впервые раздался крик здорового новорожденного младенца мужского пола; крик этот принадлежал мне, а дом моим дорогим родителям».

Так распорядились местом появления на свет философа и остролова, действительного статского советника, директора Пробирной палатки (Санкт-Петербург) Козьмы Пруткова его «родители» — граф Алексей Толстой и братья Жемчужниковы. Грех было не воспользоваться этим шансом, хотя никакой деревни Тентелевой близ Сольвычегодска нет.

Статус литературной усадьбы Козьмы Пруткова получила городская библиотека.

С тех пор праздник в Сольвычегодске проводится ежегодно, веселится и куражится в середине июля. Организатором его стал районный отдел по культуре и туризму. Предусмотрены площадки для художников, танцоров, театралов, литераторов, спортсменов, солистов и музыкальных коллективов — все к месту. В программе и деловое общение: круглые столы, мастер-классы, пресс-конференции.

В дни фестиваля население города возрастает чуть не вдвое. Вдоль улиц появляются торговые ряды, где можно найти вещи на любой вкус: детская одежда и обувь, игруш-

В дни фестиваля старинный город молодеет.



Территория творчества



ки, прихватки, грелки для чайников, полотенца и салфетки ручной работы — и покупателю приятно, и для окрестных мастериц приработок неплохой. Ну а визитной карточкой фестиваля считается Карнавал-парад афоризмов Козьмы Пруtkова — здесь главным образом молодежь проявляет свои таланты, а зрители не жалеют ладоней, аплодируя самым изобретательным.

Идею с помощью «даровитого поэта» привлечь внимание к древнему городу высказал Вячеслав Калямин, возглавлявший Архангельское областное Собрание депутатов. И она показала жизнеспособность уже в первые фестивальные годы. Почетными гостями праздника были первые лица из областных органов власти, директора предприятий, представители

частного бизнеса. Благодаря их участию в заботах и нуждах Солвчычегодска территория получила новое развитие.

Назову лишь несколько позиций: ожил Солвчычегодский санаторий, завершен долгострой детского дома, частично благоустроен центр города, поправила свои финансовые дела потребительская кооперация, активизировалось восстановление памятников архитектуры, значительно вырос поток посетителей музея, открылась частная гостиница на 34 места, построен завод по производству альтернативного топлива. А главное, добавилось оптимизма у людей, они почувствовали, что живут не на отшибе!

За семнадцать лет наши праздники обрели размах, набрали силу. Если первый фестиваль служил дополнением к Про-

На Прокопьевской ярмарке не соскучишься!

Карнавал-парад афоризмов Козьмы Пруtkова.



«Митьки» в Сольвычегодске заявили, что Прутков близок им по духу, и обещали приезжать на фестиваль и впредь.

Губернатор Архангельской области Игорь Орлов использовал свое участие в фестивале для решения вопросов развития города.

копьевской ярмарке, то теперь они проводятся совместно и скорее уже ярмарка стала частью фестиваля. Благодаря фестивалю мы за дружились с творческими коллективами из Архангельской, Вологодской, Кировской областей. Особые отношения сложились у маленького Сольвычегодска с великим Санкт-Петербургом.

ПО ЛИНИИ СТРОГАНОВЫХ

Сольвычегодск был родовым гнездом и столицей империи Строгановых в XVI–XVII веках. Эти талантливые и предприимчивые люди занимали особое положение в экономике,

политической и общественной жизни страны. Продвигаясь по России, на своем пути они оставляли предприятия и храмы. Самый знаменитый представитель рода — Александр Сергеевич Строганов (1737–1811) скончался спустя две недели после освящения воздвигнутого в Санкт-Петербурге под его руководством Казанского собора.

Связь городов никогда не прерывалась. Но по-настоящему окрепла опять же с проведением Фестиваля Козьмы Пруtkова. В 1997 году в его рамках Сольвычегодск посетила представительная делегация из Петербурга: директора музеев, культурологи, специалисты по охране памятников.

Территория творчества



В 1998 году свое родовое гнездо навестила баронесса Элен де Люденгаузен — Елена Строганова — прямой потомок Аники Строганова, в сопровождении директора Строгановского фонда Натальи Метелицы (Санкт-Петербург). На исторической родине почетную гостью ждал теплый прием: весь город с цветами встречал ее на пристани. По случаю приезда баронессы был отслужен благодарственный молебен.

Эти события имели большое значение для Сольвычегодска и особенно для музея, получившего финансовую поддержку Строгановского фонда и возможность участвовать в знаковых выставках в России и за рубежом. Академия художеств

имени Репина и Санкт-Петербургское училище имени Рериха на протяжении многих лет практически безвозмездно помогают в реставрации наших коллекций.

Ныне отношения с городом на Неве набирают обороты. В 2013 году под эгидой фестиваля в Сольвычегодске состоялся круглый стол по вопросам сохранения и использования культурного наследия города. Заседание проходило во вновь открывшихся торговых рядах, восстановленных в полном соответствии с историческим аналогом. В нем принял участие и председатель Комитета по культуре Правительства Санкт-Петербурга.

У входа в храм.

Памятник графу Сергею Григорьевичу Строганову (1794–1882) на территории Благовещенского собора (скульптор — А. Н. Бурганов). Установлен в 2009 году близ родовой усыпальницы, которую С. Г. Строганов построил на свои средства; здесь были размещены 28 надгробных плит с захоронений XVI–XVII веков. В 1825 году основал «рисовальную школу в отношении к искусствам и ремеслам», ныне Московская государственная художественно-промышленная академия имени С. Г. Строганова.



Территория творчества



Эти дома возводятся по программе замены ветхого жилья.

В резолюции круглого стола отмечалось: «Защита культурных ценностей может и должна стать пространством для активного участия местных сообществ». В Сольвычегодске так и происходит. С первого фестиваля учреждения культуры города и района активно включились в разработку программ, конкурсов, уличных представлений.

А в прошлом году для участия в XVIII арт-фестивале Козьмы Пруткова на берега Вычегды высадили целый творческий десант с берегов Невы: Академический театр комедии имени Н. П. Акимова с постановкой «Не все коту масленица», художники объединения «Митьки» во главе с Дмитрием Шагиным, Владимир Лопатин и Дмитрий Яковлев с выставкой «Комиксы в музее», Марина Федорова и Ольга Кашина с мастер-классом для детей «Современный танец», музыкант и исполнитель Олег Кваша. Для горожан это было свидетельством: город достоин внимания культурной столицы, а значит, и приложения их собственных сил, а гости признавались, что в Сольвычегодске почерпнули для себя немало интересного.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

В прошлом году Сольвычегодск был включен в Федеральную целевую программу развития внутреннего и въездного туризма в РФ, сформирована программа сольвычегодского туристического кластера. Древнему городу на Вычегде предстоит осознать свою миссию в XXI веке. Оставаться заповедником старины не означает сохранять провинциальные устои жизни. Он должен добавить столичных амбиций, стремясь к превращению в межрегиональный центр туризма с развитой инфраструктурой, отвечающей международным стандартам. Об этом говорил губернатор Архангельской области Игорь Орлов, приветствуя сольвычегодцев и гостей города в дни фестиваля-2014.

Пусть нелегко найти Сольвычегодск на карте, сложно до него добраться. Но вспомним Козьму Петровича Пруткова: «Самый отдаленный пункт земного шара к чему-нибудь да близок, а самый близкий от чего-нибудь да отдален». Как утверждает, приглашая в наш северный край, глава города Андрей Сергеев (эти слова стали слоганом XVIII фестиваля), Сольвычегодск ближе, чем кажется!

Фото на странице 34:
Введенский собор бывшего мужского Введенского монастыря. Памятник архитектуры федерального значения. Построен на рубеже XVII–XVIII веков по заказу Григория Дмитриевича Строганова в стиле московского барокко. Ныне действующий храм Котласской и Вельской епархии. Семиярусный резной иконостас покрыт сусальным золотом.

Майка-плотник, Что ж такого?

ПОСТРОИТЬ ДОМ, СЛОЖИТЬ ПЕЧЬ, ВЫРАСТИТЬ ДОЧЬ — ТАКУЮ ПРОГРАММУ ЗАДАЛА ЖИЗНЬ НИНЕ ИВАНОВОЙ

Марина ЛЕДЯЕВА. Фото: Екатерина Богданова, архив Литературно-мемориального музея Ф. А. Абрамова
(деревня Веркола Пинежского района Архангельской области)



Брошенная деревня Смutowo.

— Топор держать? Дак это каждая может! Я не знаю, что вы удивляетесь-то, — смеется Нина Павловна Иванова, веркольская легенда, героиня зарисовки «Майка-плотник» из абрамовского цикла «Трава-мурава». — Сруб рубить — это же проще пареной репы.

— Ну уж и проще...

— Дак неужели даже гвоздя не забьете?

— С гвоздем, может, справлюсь, но дом точно не потяну.

— Жизнь заставит, еще не то сделаешь!

Признаюсь, поначалу я думала, что Нина Павловна чуть кокетничает, беспрестанно повторяя «что ж такого?» по поводу своего плотницкого умения. И все пыталась ей доказать, что сегодня не каждый мужчина своими руками построит дом, не говоря уж о слабой половине человечества. Да что дом — весло, которое Майка-плотник игрушечки сделала для Федора Абрамова, в двад-

цать первом веке редкий мастер сможет вытесать. И дело не только в способностях. Какой смысл напрягаться, когда в магазинах все есть, а дом легко построят гастарбайтеры?

Но, выслушав историю абрамовской героини, я поняла: она искренне считает себя обыкновенной. «Раз я смогла, и другие смогут». Вот только относится это скорее к ее ровесницам, о которых рассказано в книгах Абрамова. А по сравнению с нами, все они — необыкновенные...

ЧТО ТАКОЕ ГОРЕ

Нина, в девичестве Вороницына, родом из Смutowo. Была такая деревня километров за пять от Верколы, на другом берегу Пинеги, за монастырем. Люди оттуда давно уехали поближе к работе и магазинам. Остались прекрасные, рубленные с пинежским размахом

Территория творчества

дома, многие с мебелью, утварью... Те, кто навдывается в заброшенное Смутово, привозят оттуда гигабайты сказочных кадров. Вот бы где кино снимать о жизни северной деревни!

— Сейчас в Смутово как Мамай воевал, — переживает Нина Павловна. — Разорили деревню...

Ее родители Павел Лазаревич и Екатерина Максимовна работали в колхозе. В семье было шестеро детей, Нина — младшенькая. Что такое горе, узнала слишком рано. Ей и пяти лет не было, когда они остались без присмотра и кто-то из детей снял со стены охотничье ружье... Маленький братик погиб мгновенно. Все в испуге разбежались, и только Ниночка была рядом с ним до прихода взрослых... После того выстрела она стала плохо слышать. Еще две сестренки умерли от «тощака», то есть от голода.

Собеседница вдруг спохватывается: «Ой, только не пишите об этом! Не одни мы — все так жили». Простите, Нина Павловна, об этом надо написать. Ведь то была уже не военная пора — начало пятидесятых...

— Жили-то бедно. Я до монастыря кое-как доберусь, мне ломоть хлеба вынесут, так иду — рада не знаю как. Просила маму в детский дом меня отдать. После несчастья с сестрами она решила отправить меня к своим родителям в Явзору. Мне шесть с половиной было, от столба до столба пройти не могла, так мама меня на санках тащила. Сейчас ведь счастье великое — дети малые сами бегают. Не голодают...

НЕОБХОДИМОСТЬ И СЛАВА

И за топор совсем еще девчонка взялась тоже не от большого счастья. Родители с утра до ночи пропадали на работе, и, когда Нина малость окрепла, мама сказала: «Как хочешь, но чтоб на три печи дрова были».

— «Дружбы» не было тогда, поперек надо вдвоем пилить, а я одна. Так чего придумала? Резинку наматую, чтобы меня отдергивало, и пилю!



По рассказу «Майка-плотник» можно заключить, что героиня всю жизнь плотничала. Но профессия ее прообраза меньше всего связана с топором. Окончив специальные курсы, Нина стала учителем физкультуры. А в 1985-м пошла в телятницы на ферму в Верколе.

Плотницкое же ремесло — суровая необходимость. Война сделала отца инвалидом, тяжелая работа знатному печнику и плотнику стала не под силу. С мужьями нашей героине тоже не везло. В отличие от литературной Майки, которую опасались брать замуж из-за ее неженского умения, у Нины было три супруга. С первым почти не жили, со вторым скоро развелись (зато дочь получилась на загляденье!), а третий оказался нерукастым: попросишь дров наколоть, он и колун-то ломает.

В 1976 году, между вторым и третьим супругами, Нине пришлось самой ставить себе дом. Конечно, боязно было: справится ли? Отец руководил: объяснял, вдохновлял, подсказывал.

Нина Павловна Иванова — по Федору Абрамову, Майка-плотник.



Федор Абрамов с односельчанами:

(слева направо) с А. А. Семейным;
с В. В. Абрамовым;
с А. Н. Белоусовой, М. Д. Караниной
и М. С. Агеевой.

Веркола, 1976 г.
Фото Рудольфа Кучерова.

— Говорит мне: «Чертой да уровнем (плотницкие инструменты. — М. Л.) сможешь работать, дак и пойдет дело-то». Спрашиваю: «А бревна как же?» — «Не тужи, помогу». — Так я аж в восьмом ряду углы запиливала, не каждый мужик сумеет. А бревна с папой накатывали.

Дом у нее получился. «И какой дом! — писал Федор Абрамов. — Ладненький, веселенький...» Вот только сгорел он потом. Как считает Нина Павловна, подожгли от зависти.

Другой дом, в котором она живет сейчас, абрамовская муза сама перевезла на лодочке из СмUTOво в Верколу. Раньше это была боковая родительская изба. Кстати, таким же макаром сюда переехали многие знаменитые смUTOвенские дома, в том числе описанный в рассказе «Деревянные кони».

— А что такого? — снова недоумевает Нина Павловна. — Через реку-то к телятам не наездишься, вот и перевезла. У меня тогда еще нога была сломана, в гипсу. Папа опять успокоил: мол, не пережи-

вай, найди второго человека, так мы стопу (сруб. — М. Л.) сложим. А я мох таяла, это в апреле было. Зачем мох? Дак утеплитель, как без него-то? Вот они стопу сложили, а полы я сама набирала и все остальное. Долго ли из готового дом-то собрать?

Еще она клала печи — тоже отцова наука. Причем клала так, что чайник на ее печках закипал за шесть-семь минут. С тех пор пальцы «колются» — трещины на них от глины, а позвоночник от тяжести искривился.

ПРОБЛЕМ НЕТ, ПОЕХАЛИ!

Как и многих своих героев, Федор Абрамов заметил Нину на сенокосе, за привычным для нее занятием — колкой дров для поварни.

— Говорит моему отцу: «Павел, дочь-то в тебя! У ней топор в руках так и гудит». Федор Александрович часто к папе приходил. Оба фронтовики, было что вспомнить. «Нина, надо бы

Территория творчества



отдохнуть съездить!» — «Проблем нет, Федор Александрович. Мотор в лодке, бензин есть. Поехали!» — И вот отвезу их, они меня в магазин пошлют — понимаете за чем. На обратном пути думаю: чай из чайника — это не то. Зашла в монастырь, взяла духовой самовар, трубу, варильницу, воды налила и на лодке возвращаюсь. Приехала, а самовар-то уж и скипел. Ух, Федор Александрович и рад был!

В разговоры фронтовиков Нина не вмешивалась — уходила рыбу ловить. Да-да, она еще какая рыбачка! С детства все места знала: где хариус, где елец, где сорога, где окунь клюет.

А что же знаменитое весло из рассказа? Было, было весло!

— Я и дату помню — 19 августа, Спасов день. Дом у меня уже стоял, я оградку делала, рейки строгаала. Смотрю, Федор Александрович идет. Поздоровались. «Нина, — говорит, — мне весело бы надо». — «Проблем нет, сейчас в сарай схожу». Весло есть весло, это не лопата, она позаделистей, времени больше требует. Очертила, топором, рашпилем да рубанком прошла — и готово! «О, какое гладкое, у меня даже заноз не будет», — сказал Федор Александрович.

У Нины Павловны четверо внуков. Дочь, учительница, зовет ее к себе в Нюхчу. Наша героиня в раздумьях. То говорит: «Надо ехать!» То мечтательно рассказывает, как будет рубить погреб — здесь, в Верколе...

— Нина Павловна, неужели вы до сих пор за такую тяжелую работу беретесь?

— Дак меня в работе и надо смотреть! Языком-то можно много наговорить. У меня теперь пила «Дружба» есть, дак чего не сделать-то? Мне без разницы, чем заниматься, хоть валенки подшивать, хоть сруб рубить. Говорю же вам, жизнь моя не сложилась...

Не сложилась? Всем известна программа настоящего мужчины: построить дом, посадить дерево, вырастить сына. Нине Павловне жизнь задала задачу посложнее: дочь, дом, печь... И еще много всего. Но она справилась.



Майна-плотник и сейчас легко смастерит весло.

Большинство реальных прототипов литературных героев Федора Абрамова живут в Верколе, часть — в Карпогорах и Архангельске. Сотрудники Музея Федора Абрамова в Верколе подготовили для журналистов справочную информацию о них и о ближайших родственниках тех, кто ушел из жизни. Так стала героиней очерка и Нина Павловна Иванова из абрамовской зарисовки «Майна-плотник».

В прошлом году губернатор Архангельской области Игорь Орлов предложил журналистам принять участие в медиапроекте «Прообразы Абрамова: о себе, о родине и судьбе», посвященном 95-летию со дня рождения замечательного русского писателя родом из маленькой деревни Верколы:

— Почти век назад родился Федор Абрамов, но все, о чем он говорил, все, что писал о нашей северной земле, актуально и сегодня. Это широта русской души, ее чуткость, вдохновение, способность по-доброму, по-человечески реагировать на происходящее. Это особый мир северной деревни, боль и переживание за ее проблемы. Сегодня остались люди, которыми восхищался писатель. Давайте расскажем о героях Абрамова, напишем о них репортажи, статьи, вернем сегодняшнему поколению северян.



Фото слева направо сверху вниз:
Игорь Орлов с Александрой Абрамовой, заведующей Литературно-мемориальным музеем Ф. А. Абрамова.

Веркольский монастырь.

Иерей Илья Еремеев с семьей.

Будущее Верколы.

Могила Федора Абрамова.

Дмитрий Клопов, самобытный художник, близкий друг Ф. А. Абрамова.

Веркольский народный хор.

Съемка 2014 г.



Хлеб, любовь и свобода

НА СЦЕНЕ МАЛОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА — ТЕАТРА ЕВРОПЫ НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ «БРАТЬЕВ И СЕСТЕР»

Елена АЛЕКСЕЕВА. Фото: Виктор Васильев (пресс-служба Малого драматического театра — Театра Европы)

Театр, который построил режиссер Лев Додин, начался с прозы великого русского писателя Федора Абрамова. В 1976 году студенты Ленинградского института театра, музыки и кинематографии отправились в Архангельскую область, на родину Абрамова и героев его трилогии «Пряслины». Премьера студенческого спектакля «Братья и сестры» на сцене Учебного театра состоялась два года спустя. В 1980-м в Малом драматическом был поставлен «Дом» на основе той же трилогии. В 1985-м Лев Додин уже как главный режиссер выбрал в качестве первой и программной постановки диологию «Братья и сестры». Она была сотни раз сыграна на родной сцене и, без преувеличения, покорила главные сцены России и мира.

А складывались отношения писателя и артистов отнюдь не безоблачно. Когда в середине 1970-х самые хорошенькие сту-

дентки курса Льва Додина и Аркадия Кацмана, принарядившись и надев туфли на высоких каблуках, пошли в гости к Федору Абрамову за разрешением инсценировать его роман, писатель чуть не выгнал «пигалиц», запретив даже думать о поездке на Север. И все же они поехали. Причем искали деревню Пекатино, описанную в романе, не подозревая, что таковой не существует. В итоге попали-таки в родную деревню Абрамова Верколу на реке Пинеге. Местное начальство поселило незваных гостей в полуразрушенном монастыре, где после войны размещался интернат для умственно отсталых детей. До сих пор артисты помнят спортзал, сооруженный в ризнице, с баскетбольным щитом, сделанным из иконы Божьей Матери...

Сближение писателя с Додиним и его учениками состоялось во время выпуска студенческих «Братьев и сестер». Он полюбил





Федор Абрамов и Лев Додин
в деревне Веркола. Конец 1970-х гг.

спектакль, подружился с актерами и режиссером; горячо защищал «Дом», с трудом преодолевавший цензуру. Эта дружба продолжалась вплоть до кончины Федора Абрамова в 1983 году.

И уже в процессе работы над дилогией «Братья и сестры» труппа МДТ в лучших традициях отечественного репертуарного театра отправилась на Пинегу.

Режиссер так объяснял этот шаг: «Наш театр оказался кровно связан с Федором Абрамовым. Мы думаем, что это одна из лучших связей, которая могла возникнуть у театра с современной литературой... Везем туда сцены из спектакля «Дом», черновики спектакля «Братья и сестры», наши воспоминания об общении с Федором Александровичем. Это наш долг перед Абрамовым. И, что может быть для нас еще важнее, мы хотим, пусть ненадолго, окунуться в реалии абрамовского жи-

Территория творчества

тия... вдохнуть пинежский воздух, услышать пинежский говор, поехать на лесозаготовки, покосить траву... — подвергнуть сомнению свои банально театральные, городские представления о деревенской жизни... Необходимо обострить свои ощущения, освежить их, что-то пощупать руками, увидеть жизнь глазами этих людей, поговорить с ними... Обращаясь к Абрамову, я еще и еще раз убеждаюсь, насколько многого мы у него не прочитали, насколько многое мы у него недооценили — и его глубину, и его страсть, и нерв его художественности».

Программным этот спектакль стал не только потому, что накрепко связал театр с Русским Севером. Во времена, когда искусство избегает вербальности, театр Додина последовательно литературоцентричен, замешан на слове, на русском языке, на любви и внимании к автору. Он не подменяет собой писателя, не борется с ним, а принципиально погружается в миры Достоевского, Чехова, Платонова, Гроссмана, Шекспира, Голдинга. Идет работа не над диалогами, а над произведением в целом, постижение автора и его героев. Актеры перечитывают горы литературы, порой не ведая, кого из персонажей им придется играть. Жанр сценического романа распространяется даже на драму: ставя конкретную пьесу Чехова, театр не скрывает своих знаний о жизни и творчестве писателя, дополняя их опытом людей двадцать первого века.

Тридцать лет назад участники будущего спектакля едва ли догадывались, сколь прочным станет их союз с прозой Федора Абрамова. Герои жили, выросли и умирали вместе с актерами, менялись в меняющемся мире. «Пряслины» оказались подлинной классикой: в проблемах, возникавших перед Михаилом Пряслиным и его земляками в середине прошлого столетия, зритель всякий раз находил созвучие своим. Простая история о братьях и сестрах превратилась в неисчерпаемую историю судьбы народной.

Именно поэтому театр — сегодня уже не маленький областной, а Малый драматический — Театр Европы решил подгото-



На фото слева направо сверху вниз:
«Дом». Евдокия — Вера Быкова.

Сцена из спектакля «Братья и сестры».

Репетиция спектакля «Братья и сестры».
Петр Семак, Татьяна Шестакова,
Наталья Фоменко. 1985 г.

«Дом». Лизавета — Татьяна Шестакова.





Николай Лавров (слева)
в деревне Веркола. 1985 г.

вить новую редакцию спектакля. При всем таланте и мастерстве додинских артистов играть восемнадцатилетних героев — значит нарушать свои же представления о правде сценического бытия. Конечно, актерам старшего поколения было больно и горько расставаться с персонажами — прикипели к ним душой и телом, но они приобщились к работе в качестве педагогов (наряду с режиссером Натальей Колотовой, Валерием Галендеевым и Михаилом Александровым — непревзойденными мастерами по сценической речи и вокалу). Некоторые ветераны «Братьев и сестер» (Галина Филимонова, Татьяна Рассказова, Адриан Ростовский) перешли с главных ролей на возрастные, что позволило скрепить актерский ансамбль, сохранить необходимую в подобном случае преемственность.

Для нынешних исполнителей работа над спектаклем тоже началась с поездки в архангельские края. Они рассказывают об этом путешествии как о чуде и счастье. Им тоже пришлось осваивать деревенскую жизнь, учиться держать в руках топор и косу,

Территория творчества

ходить в грубых сапогах, познавая мир почти непостижимый. Для двадцатилетних мальчиков и девочек, выросших в двадцать первом веке, быт и нравы пекашинцев инопланетны.

Им, наверное, ближе и понятней язык и герои Шекспира, чем Федора Абрамова. Им предстояло преодолеть целую пропасть, чтобы понять, почему надо отдавать последние деньги на государственный заём, получать от государства по 11 копеек за литр молока, стоивший два рубля, почему нельзя подписать письмо, если все в нем правда, почему нельзя жить по совести и жениться по любви. В деревне уже не осталось прототипов Пряслиных, о них расспрашивали детей и внуков абрамовских земляков. Проще было распевать частушки вроде «Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик» или полюбившуюся всем — про бабу, что ловила окуня, в которой и смех и грех. Но главное — и частушки, и обрядовые песни их научили петь жители деревни Веркола, чей фольклорный запас не похож на музейный.

К слову, в апреле 2015 года в МДТ приехала целая делегация из Верколы — настоятель возрожденного монастыря, народный хор, работники библиотеки. Поздравив артистов с премьерой, они и для зрителей устроили спектакль: их частушки и пляски вспыхивали как искры от любой реплики из зала. Перепеть, переплясать, переиграть таких — совсем не просто. Но и этот состязательный запал по-своему помогает артистам постигнуть душу народную.

В творческих соперниках молодых актеров и старшие товарищи по труппе, те, кто для зрителя — единственные и неповторимые Мишка и Лизка Пряслины, Егорша и Анфиса Петровна. Как сыграть маленький шедевр — роль деревенского дурачка Юры, не только подсмотренного некогда Игорем Склярком в жизни, но сочиненного им, вылепленного из жестов, интонаций, междометий? Создавать героя заново или встраиваться в форму, выстраданную предшественником?



«Братья и сестры». Постановка 2015 г.

На фото слева направо сверху вниз:
Егорша — Евгений Серзин,
Лизка — Дарья Румянцева.

Сцена из спектакля.

Пряслины. Татьяна — Марьяна Ильина,
Анна — Наталья Акимова,
Лизка — Дарья Румянцева,
Мишка — Евгений Санников.

Ганичев — Стас Никольский.





Участники спектакля «Братья и сестры». 1985–2014 гг.

Очередная репетиция. 2000-е гг.

Перед каждым исполнителем вставала подобная задача, и каждый решал ее в силу разума, таланта и человеческой зрелости. Последнее представление классических «Братьев и сестер» состоялось за месяц до премьеры, и молодые артисты имели счастье и несчастье видеть на сцене тех, кого им предстояло вскоре сыграть (и переиграть?). Да возможно ли полностью преодолеть мощное влияние корифеев МДТ — Татьяны Шестаковой, Натальи Фоменко, Натальи Акимовой, Петра Семака, Сергея Власова, Игоря Иванова?

Впрочем, спектакль Додина тем и силен, что в нем нет маленьких ролей и проходных эпизодов. Соло, дуэты, массовые сцены в удивительном сценографическом пространстве, созданном Эдуардом Кочергиным, переливаясь друг в друга, слагаются в единый эмоциональный рассказ о северных «братьях и сестрах».

Наш день диктует иные, зачастую рваные ритмы, иные принципы восприятия. И все же спектакль выстроен столь гармонично, что главное в нем нерушимо. Он говорит о свободе как

Территория творчества



главной доблести и главной мечте народной. Любовь нужна пекашникам как хлеб, а хлеб — как свобода. На этой почве сталкиваются интересы людей, возникают дружба и вражда. Пока еще не всем молодым актерам удалось «пробурить» характер на плодотворную глубину, но, как и принято в театре, премьера — лишь этап работы над спектаклем. Путешествие в мир, открытый Федором Абрамовым, продолжается и, что не может не радовать, увлекает артистов нового призыва.

Лизка в исполнении Дарьи Румянцевой совсем не похожа на ту наивную девочку, которую неподражаемо играла Наталья Акимова. Она не влюблена без памяти в Егоршу. Больше думает о семье, о матери и младшеньких. Сравнение с братом жених явно проигрывает, оттого задолго до финала возникает тема «жить по совести».

Ее сестра по несчастью — первая пекашинская красавица Варвара. Елизавета Боярская играет и тоску по любви, и счастливую ее пору, и драму разлуки с любимым и любящим человеком.

Территория творчества



Еще одна женская драма — судьба Анфисы Петровны. Ни в малой мере не пытаюсь повторить рисунок роли, которую тридцать лет назад создала Татьяна Шестакова, Ирина Тычинина делает председательшу прежде всего сильной женщиной. В войну Пекашино стало бабьим царством, а править им — особая наука. Эти сестры способны на любовь и ревность, бунт и предательство. Анфисе суждено пережить все, что выпадало на долю русской женщины. Она выдюжила, и в поддержку ей даются строки поэта Коржавина, ранее в спектакле немислимые: «А кони все скачут и скачут, а избы горят и горят...»

«Братьям» в новом спектакле тоже предстояло освободиться от авторитета предшественников. Андрей Кондратьев в скромной роли Ильи Нетесова не просто сыграл человека вдвое старше себя, но и показал актуальную по сей день коллизию: герой войны бессилен перед послевоенными невзгодами. Олег Рязанцев представил Ивана Лукашина мудрым, честным и совестливым. Именно такого могла полюбить и ждать с фронта Анфиса. Именно такого не могли не арестовать как врага народа.



Особенно трудно было новому исполнителю центральной роли Мишки Пряслина Евгению Санникову. Он чуть старше своего героя, но столь же неискушен в жизни. Не обладая героической внешностью, покоряет искренностью и обаянием. Когда этот парень приносит в дом заработанную на лесоповале буханку черного хлеба и протягивает своим братьям и сестрам, сроду настоящего хлеба не выдавшим, у зрителей наворачиваются слезы. Этот Мишка — из народа. Ему веришь, как верили литературным персонажам Абрамова и их реальным прототипам. Театр и не стремится наделять «братьев и сестер» исключительностью. Претензии на героизм и харизматичность принесли миру немало зла, поэтому спектакль вновь обращается к обыкновенному человеку, с которым каждый волен соизмерить свои размышления о жизни.

...Наверное, завясы эти артисты в гости к Федору Абрамову в наши дни, писатель изумился и рассердился бы еще сильнее, чем в середине 1970-х. Но, придя на спектакль, узнал бы в них своих земляков из той военной и послевоенной поры.

«Братья и сестры». Редакция 2015 г.

Фото слева:
Лукашин — Олег Рязанцев,
Мишка Пряслин — Евгений Санников.

Через два года

ОЛЬГА БРОДОВИЧ РАССКАЗЫВАЕТ О ВСТРЕЧАХ С ИОСИФОМ БРОДСКИМ

Аркадий СОСНОВ. Иллюстрации: личный архив О. И. Бродович. Фото: Тимур Тургунов



Письмо из Хабаровского края. 1961 г.

Одно из самых эпатажных стихотворений раннего Бродского посвящено О. Б. Люди его тогдашнего круга знают, что это инициалы Ольги Бродович — ей адресованы и другие стихи и письма ленинградского периода жизни поэта, да и потом, на расстоянии, они оставались близкими друзьями.

С Олей Бродович Иосиф учился в одной школе (191-й на Моховой, однокашники из его «Школьной антологии» — отсюда), она была на год и на два класса старше, а подружились чуть позже, когда Ольга уже была студенткой университета. Он проводил ее на филфак, иногда оставался на лекции — либеральные правила альма-матер это позволяли, — однажды даже вел за нее конспект. Друзья шутили, что за такое усердие и ему диплом можно было бы выдать. После занятий студенческой компанией гуляли по Васильевскому острову или ехали к ней домой, болтали, обсуждали книги и фильмы. Иосиф сочинял

стихи, сидя в глубоком кресле, — это «Осино кресло» живо, при переезде она оставила его своей дочери.

Сегодня Ольга Игоревна — ректор негосударственного института иностранных языков, доктор филологических наук. Мы сидим в ее уютной квартире на Малой Охте, хозяйка перебирает фотографии, письма и вспоминает...

ШКОЛА

В школе Ося жил совершенно особой, внутренней жизнью. У него и друзей закадычных не образовалось, потому что это были годы, когда он, обгоняя всех, стремительно рос как личность. Сверстники за ним просто не поспевали. Вряд ли кто читал больше него.

Кто-то ему на уроке прислал записку, что в книжный магазин на Литейном поступил новый роман Джеймса Олдрида-



жа. Ося встал и пошел за романом. Посреди урока. Поймите, он ничего не демонстрировал. Скорее всего, в тот момент он подумал: «Надо купить Олдриджа». Конечно, учитель был шокирован и, когда Ося вернулся, велел ему привести в школу родителей. О дальнейшем Ося мне рассказывал: «По дороге домой я подумал: а собственно, зачем вообще приходить в школу? Так в пятнадцать лет я кинул свои кости в цеха одного завода».

ОБНОВЛЕННОЕ ЗНАКОМСТВО

Реально познакомила нас моя подруга Лена Валихан, мы с ней в одной группе учились. Все началось с обсуждения стихов

Яши Гордина на заседании факультетского ЛИТО в битком набитой 78-й аудитории филфака — время было благословенное, короткая хрущевская оттепель. Стихи сочинял каждый второй, обсуждать их хотелось всем. Экземпляр для общего ознакомления оставляли на кафедре советской литературы, назначались рецензенты — не преподаватели, а члены ЛИТО, вывешивалось объявление.

И вот я, девочка с третьего курса, мало что понимавшая в поэзии и в жизни, замечаю со своего места, что у противоположной стены так напряженно слушает рыжий парень, знакомый до немыслимости. Это из Осиного лексикона: «Где я видел эту рожу?» На следующий день он и Леня Ентин решили с Яшей пообщаться и послали Гошу Шилинского поискать его на факультете. Гоша шел по коридору, навстречу — Лена Валихан. Он остолбенел (первая реакция молодых людей на Лену) и от нее уже не отходил, а Ентин и Бродский его сопровождали. Ленина мама называла их «три апельсина», хотя рыжим и пышноволосям был только Ося.

Лена вбила себе в голову, что нас с Иосифом надо свести, что мы созданы друг для друга. В один холодный декабрьский вечер она звонит мне по телефону: «Мы тут гуляем недалеко от твоего дома, замерзли, пусти погреться». Жила я на проспекте Карла Маркса, между Смолячкова и Педиатрическим, скучнее места для прогулок не придумаешь, ну, «случайно» забрели с Васильевского острова.

В общем, ее план сработал. На следующий день Ося мне звонит: «Мы Новый год у меня встречаем. Придешь?» Я, как положено, иду к родителям: отпустите? Родители у меня были замечательные, знали, что плохое дочери не понравится. 31 декабря 1958 года снова звонит Иосиф: «Выезжаешь?» 17-й трамвай поворачивает на Салтыкова-Щедрина у Дома офицеров. На остановке Ося — без шапки, на голове снежный сугроб: намело, пока меня ждал.



Эти и последующие фотографии сделаны Иосифом Бродским и Ольгой Бродович на лестнице дома, где жила Ольга, в деревне Никольская и на велосипедной прогулке в Комарово.

В 1958 году Иосиф был широко известен в узком литературном и околосредоточенном кругу как очень одаренный, но еще начинающий поэт, а, наверное, половине девушек Ленинграда был знаком в силу своей неотразимой привлекательности. Бог его наделил удивительно хорошей физикой. Высокий, красивый, с естественными движениями, с превосходной головой, почти всегда гордо откинутой, с роскошной ярко-рыжей шевелюрой... Походка летящая, куртка, пальто или пиджак всегда распахнуты. Не боялся ни мороза, ни жары, все ему было нипочем.

Елена ВАЛИХАН, запись 2005 г.

ПОХОД В ИЗДАТЕЛЬСТВО

Последующие семестры протекали так: утром я выходила из дома, он меня встречал у парадной, сопровождал в университет, где коротал со мной учебный день, либо шел по своим делам и забирал меня после занятий. Не было практически ни дня, который бы мы провели порознь.

Помню, как едва ли не в первый раз он попробовал напечатать подборку своих стихов. Поехали в издательство, он там остался. Встречаемся у знаменитых университетских часов, он мне говорит: «Не выйдет». — «Почему?» — «Попросили кое-что переделать». — «А ты?» — «Что значит *переделать*? Стихи написаны, они есть». Нельзя сказать, что он был упрям, занос-

чив или горд. Он был абсолютно самодостаточен, в него невозможно было вмешаться.

Годы идут, какие-то разговоры выветриваются, но только не этот эпизод — меня восхищала цельность этого человека.

УРОКИ АНГЛИЙСКОГО

Однажды он сказал: «Давай ты меня поучишь английскому». Я согласилась. Сели напротив друг друга, едва я начала говорить, он захохотал. «В чем дело?» — «Не могу видеть твое серьезное лицо!»

После чего он предложил переписываться по-английски, чтобы я его поправляла, — но правку воспринимал в штыки. Мог ответить: «К черту артикли, к черту времена глаголов. Как хочу, так и пишу».

Первое его стихотворение на английском “Our Russia is a country of churches” («Россия — страна церквей»), где churches рифмовалось с birches (березы), я все-таки поправила. Говорить по-английски он толком еще не мог, а стихи уже писал. Я спросила: «Ты хочешь, чтобы кто-нибудь их понял или вид английских слов тебе приятен?» — «Желательно, чтобы поняли». — «Тогда приведем их в соответствие с правилами грамматики, артикли вставим». «Артикли — это лишнее». — «На них не будет падать ударение!»

Это было вполне в его стиле: если что-то хотел узнать, то вникал сам, методом погружения. Он прочитал в переводе Джона Донна и был потрясен. Написал «Элегию на смерть Джона Донна», решил изучать его творчество в оригинале.

Уже после архангельской ссылки Иосиф по предложению Виктора Максимовича Жирмунского занялся переводами английских поэтов-метафизиков. Английский XVII века сильно отличается от нынешнего. Ося попросил меня делать подстрочники. Я работала с восторгом, не только потому, что с ним вместе, — мне было интересно. Получалось — небольшой



Современные мемуары



Ольга Бродович и другие изображения — все это нарисовано Иосифом во время лекций на филфаке.

Я была студенткой английского отделения филфака университета. В нашей маленькой группе учились Ольга Бродович, Лариса Морозова, Алевтина Друзина, Владимир Форш и еще несколько замечательных ребят. И чуть ли не каждый день на наших занятиях сидели два молодых человека — Иосиф Бродский, влюбленный в Ольгу Бродович, и мой будущий муж Александр Добровинский, который тогда работал и учился на физфаке, но выкраивал время, чтобы оказаться рядом. Они с нами, считайте, окончили курс.

По тем временам у меня был рай — целая собственная комната, и очень гостеприимные родители, которые поили моих друзей чаем и позволяли задерживаться допоздна. Наверное, человеку, который жил в коммуналке, имея лишь полкомнаты, а вместе с родителями полторы, и кучу любопытных соседей, было важно сменить обстановку. Поэтому и у нас Иосиф с удовольствием бывал. Вдруг его осенило, как всякого творческого человека. Он подсаживался к ближайшему столику, даже самому маленькому и неудобному, вынимал ручку, записную книжку и начинал писать, иногда поднимая голову и спрашивая: «Как звучит? Нравится? Ничего не хочется подправить?» Мы чувствовали, насколько он литературно одарен, но даже не надеялись на то, что его стихи будут при нашей жизни опубликованы.

стишок, а к нему подстрочный перевод и страниц пять моих комментариев.

У Иосифа возникла идея академического издания с его переводами и моими комментариями. Конечно, я была «за». Но и этот его литературный проект в советских реалиях не состоялся.

ОН БЫЛ ТРУДЯГА

Бродский много занимался переводами — с английского, польского, чешского. Это было единственное средство заработать для поэта, стихи которого не печатают. В 9 утра он уже был за машинкой.

Гнусная статья в «Вечерке» про *тунеядца* Бродского была абсолютно лживой и в этой части. Он был трудяга, в юности, пока позволяло здоровье, ходил в геологические партии, и этих денег хватало до весны, в городе кем только ни подраба-

тывал: матросом на маяке, истопником котельной. То есть делал все, чтобы не сидеть на шее у родителей.

Ленинградский период Бродского — это и Якутия, и Дальний Восток. Из экспедиций он присылал мне рукописные тексты с указаниями, как их перепечатать, где строка должна начинаться и чем кончаться, чтобы она правильно смотрелась. Опечатки не терпел, за них мог крепко отчитать. Почти в каждом письме рисунки с атрибутами экспедиционной жизни: комары (один на носу автора), река Алдан, спальный мешок, самолетик (мне он всегда ужасно нравился), с пожеланиями скорой встречи и разнообразными кошками. И тут же: «Посылаю эпилог к роману (стихотворение «Петербургский роман». — *Ред.*). Перепечатай».

Характерная приписка к письму: «Я дорвался до машинки, что совершенно невероятно здесь в Якутске, и решил облегчить себе написание письма, памятуя о моем скверном по-

Елена ВАЛИХАН, запись 2005 г.



Фото слева направо:
Ольга Бродович — случилось то,
что случилось...

Письмо из экспедиции с обязательной
кошкой.

Письмо Ольге от Иосифа
из Норинской. 1965 г.

черке». Собственно, какое там письмо, это сопроводительная инструкция к стихам: «Ты их перепечатай, но куда не посылай. В этом смысле вчерашнее письмо устарело. Основной текст этот. Посвящение Баратынскому печатай так, как я указал, отделив четыре последние строфы <...> Скинь удачно и поезжай в Глазго. (Это был 61-й год, я сдавала госэкзамены.) Будь здорова, жизнерадостна, счастлива, такая же рыжая. До осени. Если сумеешь, свяжись с Димой (Бобышевым. — *Ред.*), дай ему этих опусов. Разыщи Ентина и отдай ему эпиграммы».

САМОЛЕТ ЛЕТИТ НА ВЕСТ

Вот мальчик на фотографиях молоденький, с абсолютно прямой спиной — а потом у него эта сутулость стала появляться. Не только сидение за машинкой сказывалось, но и давление жуткой системы. Он был от природы солнечный, веселый

человек, город свой очень любил, русский язык боготворил, но жизнь ходила по нему пешком и давила, давила. Он не поддавался, ни полстрочки не менял в написанном. Но каково было сознавать, что все это в стол, что стихов здесь никто не опубликует, заработать творчеством никто не даст? Легко задним числом упрекать его якобы в мизантропии.

Когда его из страны высылали, был момент, о котором, кроме меня, вряд ли кто знает. Накануне, по-моему, 2 июня мы с ним, наверное, часов пять ходили по городу, за руки взявшись. И уже за полночь, на опустелой Пушкинской площади, ныне Биржевой, он руки расцепил и почти выкрикнул: «Начальнички, ностальгии желаете? Ностальгии не будет»...

Все годы его эмиграции я понимала, что он не вернется. И когда кто-то говорил, что вот-вот удастся его убедить, не верила абсолютно.



Неизвестно, как повернулось бы, подари ему Господь еще двадцать лет жизни, но вот тогда иначе быть не могло. Он не терпел фальши в любых проявлениях (фальшь *почетного возвращения*, например), ничего, что могло иметь какое-то второе прочтение.

Конечно, мне его очень не хватало — не хватает до сих пор. Я ловила каждый его стих и эссе, приходившие *оттуда*. Навещала его родителей.

Мама Оси была совершенно святая женщина. Как-то я не выдержала: «Мария Моисеевна, почему же вы не переедете к нему или хоть повидаться не съездите?» — «Олечка, если бы я могла, вот в этих тапках, не снимая передника... На просьбу выпустить к нему в Америку мы получили издевательский ответ: «По нашим сведениям, ваш сын проживает в государстве Израиль»».

ПОСВЯЩЕНИЕ

Написанные по моему поводу стихи цитировать по памяти не буду. Могу запнуться, сбиться, а Ося мне бы этого не простил.

Самое известное называется «Через два года». Тогда я по настоянию мамы отложила наше предполагавшееся бракосочетание на два года, чем он был сильно угнетен. Потом я часто себя спрашивала, правильно ли поступила, но это уже другой разговор. Моя личная жизнь никого не касается — случилось то, что случилось. Я не стала его музой. Большую часть жизни нас связывала большая личная и творческая дружба.

Но когда мы встретились в Лондоне впервые после его отъезда за границу, то на вопрос хозяйки квартиры, в которой он остановился: «А сколько вы не виделись?», я ответила: «Восемнадцать лет два месяца и двадцать семь дней». Совершенно точно могла сказать.

О. Б.

*Через два года
высохнут акации,
упадут акации,
поднимутся налоги.
Через два года
увеличится радиация.
Через два года.
Через два года.*

*Через два года
истреплются костюмы,
перемелем истины,
переменим моды.
Через два года
износятся юноши.
Через два года.
Через два года.*

*Через два года
поломаю шею,
поломаю руки,
разобью морду.
Через два года
мы с тобой поженимся.
Через два года.
Через два года.*

1959



*В ту ночь мы сошли друг от друга с ума,
Светила нам только зловещая тьма,
Свое бормотали арыки,
И Азией пахли гвоздики.*

*И мы проходили сквозь город чужой,
Сквозь дымную песнь и полуночный зной,—
Одни под созвездием Змея,
Взглянуть друг на друга не смея.*

*То мог быть Стамбул или даже Багдад,
Но, увы! не Варшава, не Ленинград,
И горькое это несходство
Душило, как воздух сиротства.*

*И чудилось: рядом шагают века,
И в бубен незримая била рука,
И звуки, как тайные знаки,
Пред нами кружились во мраке.*

*Мы были с тобою в таинственной мгле,
Как будто бы шли по ничейной земле,
Но месяц алмазной фелукой
Вдруг выплыл над встречей-разлукой...*

*И если вернется та ночь и к тебе
В твоей для меня непонятной судьбе,
Ты знай, что приснилась кому-то
Священная эта минута.*

Тогда в Ташкенте

ПРОФИЛЬ АННЫ АХМАТОВОЙ, ЧЕТКО ОТПЕЧАТАВШИЙСЯ НА БЕЛОЙ СТЕНЕ

Ольга КРУПЕНЬЕ. Фото: архив Музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме

Дело было в Ташкенте, где я родилась и прожила сорок лет. В классе шестом-седьмом подруга принесла в школу потрепанный, дореволюционного издания, сборничек стихов. Эти ранние стихотворения Ахматовой оказались настолько созвучны тому, что творилось в моей душе подростка, что я несколько дней бродила как потерянная...

Крамольная мысль «зачитать» у подруги книгу в голову не пришла, зато я напрямик отправилась в школьную библиотеку и попросила «что-нибудь Ахматовой». В конце суровой отповеди, значения и подоплеки которой — образцово-показательная пионерка — не поняла, мне было велено читать Маяковского или по крайней мере Демьяна Бедного. Библиотекарша наябедничала классной руководительнице, и та долго пыталась выяснить, кто принес в школу упадническую Ахматову. Расколоть меня не удалось, и классная вызвала маму. Короче, история вышла та еще...

А по-настоящему я встретилась с Ахматовой в конце восьмидесятых. Поэт Игорь Бяльский познакомил меня с Галиной Лонгиновной Козловской, вдовой сосланного в 1936 году в Узбекистан композитора Алексея Козловского.

В годы войны Козловские близко сошлись с эвакуированной в Среднюю Азию Ахматовой и поддерживали затем с ней связь до конца ее жизни. Будучи уже совсем пожилой, Галина Лонгиновна нашла в себе силы съездить в Ленинград, побывала в Комарово и положила на могилу Ахматовой горсть земли с могилы мужа. Факт широко известен. Трактуют его по-разному. В том числе и как жест прощения, поскольку о романтических отношениях Козловского и Ахматовой говорилось и писалось.

К тому моменту я уже прекрасно знала, почему наклкала на себя в школе неприятности, попросив «что-нибудь Ахматовой», и гордилась наличием в своей библиотеке нескольких ее сборников. Самым ценным был самиздатский «Реквием».





Фото слева направо:
Г. Л. Козловская у стен,
за которыми (справа) дом
на улице Игарчи (Седельщиков),
где они с мужем жили
до переезда на Хорошинскую улицу.
Известно, что А. Ф. Козловский показывал
этот дом и сад А. А. Ахматовой
Ташкент. 1940-е гг.

Старая улица города.
Ташкент. 1940-е гг.

Храню его и теперь: в выцветшей синей картонной обложке, перехваченной канцелярскими скрепками. Третья копия на серой писчей бумаге, отпечатанная на самой что ни на есть дешевой, а потому столь популярной в то время машинке «Москва». Это — и часть моей жизни, и напоминание о ней, и предостережение, если хотите.

...Неожиданный кусочек старого Ташкента среди выросших после землетрясения бетонных новостроек. Низко осевший одноэтажный кирпичный домик, побитый дувал (глинобитный забор) и вросшая в землю деревянная калитка с осыпающейся зеленой краской. Странное впечатление производит нарядная мраморная доска на заборе — что-то вроде декорации из другого спектакля. Позолоченная надпись доводит до сведения прохожих, что раньше тут жил композитор Алексей Федорович Козловский.

Мы, однако, не останавливаемся у калитки, а проходим дальше — к окну. Игорь стучит, долго ждем. Наконец окно распахивается, и я вижу пожилую грузную женщину, тяжело опирающую-

ся на палки. Это — Галина Лонгиновна. Старомодная седая прическа, безукоризненно белый кружевной воротничок на блузке. Она подает нам сквозь решетку ключ, снова идем к калитке. Игорь отпирает замок, немного приподнимает и осторожно перемещает дверь. Я ступаю во двор и замираю. Это — сказка, такого не бывает! Небольшой дворик сплошь, как ковром, покрыт фиалками с крупными темно-фиолетовыми, почти черными, цветами. «Настоящие пармские фиалки, — скажет потом Галина Лонгиновна. — Муж привез из Италии кустик, они и разрослись с тех пор». Весь забор изнутри, стены домика и стволы деревьев увиты густым плющом. Фиалки и плющ — больше ничего, и выглядит это потрясающе. А навстречу, кланяясь и пританцовывая, по узкой каменной дорожке идет журавль, усугубляя ощущение нереальности происходящего.

«В моей жизни было много мистики, — поведаст позже Козловская. — Где-то в начале шестидесятых мы во дворе пили чай с мужем. И вдруг с крыши нам под ноги скатился журавль с полым плечом. Как он тут оказался — в центре Ташкента?»

Современные мемуары

Журавля вылечили, дали имя, сделали членом семьи.

На крыльце нас встречает молодая простоватая женщина — соседка, которая помогает Козловской справляться с жизнью после инсульта. Входим в комнату. Журавль — с нами, и все кланяется, приседает, раздвигает крылья, напоминая учителя танцев в благополучном семействе или распорядителя балов. Хозяйка сидит в кресле под большим портретом, на котором — жизнерадостная девушка в полный рост, с охапкой цветов. Она прекрасна не чертами лица, а молодостью, здоровьем, бьющей через край энергией. Галина Лонгиновна перехватывает мой взгляд:

— Это я. Портрет кисти Жени Пастернак.

Намеренно так села или нечаянно? В любом случае сравнение бьет по нервам.

— Сейчас будем пить крышон. Вы пили когда-нибудь настоящий крышон? — Козловская царственным жестом приглашает к столу, сервированному старинной посудой. Правда, не все чашки и блюда парные, некоторые с трещинками и щербинками, и ложечки — разрозненные, но все приборы достойны музея, а не повседневной жизни. Крышон — для нас, Козловской любой алкоголь насторого запрещен. Она пьет зеленый чай и наслаждается нашим наслаждением. Но в какой-то момент не выдерживает искушения, черпает из крышонницы в центре стола неполную чайную ложечку. Долго перекачивает, смакуя, маленький глоток во рту. Видно, что эта женщина прожила свое время красиво и широко, несмотря на лишения.

Я говорю Галине Лонгиновне о цели визита — по заданию центральной газеты написать о ее встречах с Ахматовой.

— Вы с ума сошли! Об Анне Андреевне надо писать книги, а не в двух словах, для газеты!

Но постепенно хозяйка разговаривается, увлекается, и на свет из старинного секретера появляются стопка книг, старые фотографии, письма, ноты, телеграммы. Я замираю: Ахматова! Это ее письма, телеграммы, записки и фотографии. Ее дух



витает в комнате, хотя в этом доме она не бывала никогда. Начинаю с банального вопроса: как познакомились? Были ли знакомы до войны?

— Нет, с Анной Андреевной мы познакомились уже в Ташкенте, куда она была эвакуирована из блокадного Ленинграда. Тем же эшеленом приехали дочь Корнея Чуковского — Лидия, Надежда Мандельштам, жена Осипа, его к тому моменту уже расстреляли... С Ахматовой нас познакомила Евгения Пастернак, первая жена поэта Бориса Пастернака. Я невольно перевожу глаза на стену с портретом.

— Да, мы с ней были дружны. Она была прекрасным художником... Так вот, однажды осенью сорок первого года Евгения пришла ко мне и сказала: «Приехала Анна Ахматова». И позвала меня к ней. Эвакуированных писателей поселили в здании управления по делам искусств. Анне Андреевне досталось помещение кассы.

Дом на Жуковской улице,
где жила Анна Ахматова.
Ташкент. 1970 г.



Слева направо сверху вниз:
А. Ф. Козловский.
Ташкент. 1940-е гг.

Г. Л. Козловская.
Ташкент. 1940–1943 гг.

А. А. Ахматова.
Ташкент. 1942 г.

*В этой горнице колдунья
До меня жила одна:
Тень ее еще видна
Накануне новолунья,*

*Тень ее еще стоит
У высокого порога,
И уклончиво и строго
На меня она глядит.*

*Я сама не из таких,
Кто чужим подвластен чарам,
Я сама... Но, впрочем, даром
Тайн не выдаю своих.*

Помню обстановку — железная кровать, печка-буржуйка, табурет, на полке у двери, где прежде служащим выдавались деньги, — металлическая кружка, с потолка свисает голая лампочка. Было очень холодно. Анна Андреевна куталась в шубку. Ее знобило...

Это здание не сохранилось. Нет уже и дома на улице Жуковского, 54, куда она переехала. Ей дали комнату, в которой до нее жила Елена Сергеевна Булгакова, вдова Михаила Булгакова. Помните стихотворение? Галина Лонгиновна начинает читать наизусть, память ее не подводит нисколько. Чтица она замечательная.

— Я не могла взять в толк — почему колдунья? — продолжает Козловская. — Лишь много позже узнала, что Елена Сергеевна давала в Ташкенте Ахматовой и Фаине Георгиевне Раневской читать рукопись «Мастера и Маргариты». Анна Андреевна была верным и надежным человеком, никогда не рассказывала, что читала роман. И только в стихотворении приоткрыла тайну, что знает, кто был прототипом Маргариты.

Спрашиваю: как приняли Ахматову в Ташкенте?

— Надо отдать справедливость, правительство делало все возможное, чтобы облегчить жизнь эвакуированным писателям, — вспоминает моя собеседница. — В Ташкенте тогда жил Алексей Толстой. У него поначалу совсем не было обстановки, ему из музея



Современные мемуары

принесли несколько хивинских ковров. Потом говорили, что, возвращаясь, он увез их с собой. Может, это неправда. А может, думал, что ему их подарили...

Правительство — это одно. А вот как относились к Ахматовой простые люди? Оказывается, она получала массу писем.

— Как-то прочитала нам письмо одного офицера: через полчаса они выступают, и он благодарит ее за стихи. Авторских ее выступлений я не помню, но в составе групп она много и охотно читала в госпиталях.

Меня интересует об Ахматовой все: как выглядела, что любила читать, какой была в быту? Галина Лонгиновна отвечает неторопливо, подробно, и видно, что воспоминания ей в радость:

— Анна Андреевна была необыкновенно красива аристократической, какой-то даже патрицианской красотой. И после, составившись, сохранила это величавое благородство... Она была гениально образованным человеком. Шекспира читала, конечно же, в подлиннике. Очень любила «Божественную комедию» Данте, читала тоже в оригинале. По-моему, еще какие-то языки, но боюсь присочинить... Ахматова была сказочно добрым человеком, бесребреницей — при ее-то бедности. Никогда не забуду, как мы с мужем вернулись откуда-то домой, а на окне лежит шоколадка. Это было как удар грома, что-то давно забытое из прежней жизни. Выяснилось, что к нам заходила Анна Андреевна. Писателям полагались пайки... Была очень простой в общении, но ненавидела фамильярность и пресекала малейшие ее попытки... А еще была совершенно неприспособленным человеком. Помню ее китайский, расшитый цветами и птицами, халат. Она за что-то зацепилась и оборвала карман, и, сколько помню, так и ходила, потому что не умела зашить.

Дружба Козловских с Ахматовой длилась всю жизнь.

Что их связывало?

— Покойный муж был знатоком литературы, — поясняет хозяйка. — Плохие поэты его боялись, а настоящие ценили. У них

с Анной Андреевной были изумительные разговоры о поэзии.

И у обоих — удивительное чувство юмора. Они заражали друг друга. Анна Андреевна как-то сказала: «Я так смеялась только с Мандельштамом».

Помедлив несколько мгновений, Козловская продолжает:

— В Ташкенте Анна Андреевна написала замечательное патристическое стихотворение «Мужество»:

*Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне...*

Она пришла к нам и прочитала его. Это было 23 февраля 1942 года. Мы были под огромным впечатлением. «Что вы хотите за это?» — спросил ее Алексей Федорович. «Давайте побудем Шопеном», — сказала она. И он играл ей целый вечер.

Я присматриваюсь к Галине Лонгиновне: сознает ли она, что рассказывает о прекрасных отношениях двух людей, живших на одной эмоциональной волне? И вопрос слетает с моих губ прежде, чем я успеваю прикусить язык:

— А вы ревновали?

— Никогда! — резко отвечает Козловская. — Это все злые языки! Люди злы и во всем видят грязь!

Галина Лонгиновна погружается в сосредоточенное молчание. Игорь Бяльский укоризненно смотрит на меня, вздыхает и показывает из-под стола кулак.

Чтобы как-то разрядить обстановку, осторожно беру из стопки пожелтевший листок. На нем — стихотворение, написанное тонким бегущим почерком. Наверху посвящение — Галине Герус, это девичья фамилия Козловской. Внизу дата и место — 1942, весна, Ташкент. И подпись — Анна Ахматова.

— Хотите знать историю создания этих строк? — смягчившись, говорит Галина Лонгиновна. — Анна Андреевна раз увидела мою фотографию — я была снята в каком-то восточном костюме в саду,

*Заснуть огорченной,
Проснуться влюбленной,
Увидеть, как красен мак.
Какая-то сила
Сегодня входила
В твоё святилище, мран!*

*Мангалочий дворик,
Как дым твой горек
И как твой тополь высок...
Шахерезада
Идет из сада...
Так вот ты накой, Восток!*

*...И только в двух домах
В том городе (название неясно)
Остался профиль (нем-то обведенный
На белоснежной извести стены),
Не женский, не мужской, но полный тайны.
И, говорят, когда лучи луны —
Зеленой, низкой, среднеазиатской —
По этим стенам в полночь пробегают,
В особенности в новогодний вечер,
То слышится какой-то легкий звук,
Причем одни его считают плачем,
Другие разбирают в нем слова.
Но это чудо всем поднадоело,
Приезжих мало, местные привыкли,
И говорят, в одном из тех домов
Уже новом закрыт проклятый профиль.
25 ноября 1943 г.*

Фото справа:
Тот самый журавль.

Фото на странице 61:
Кусок парчовой ткани, закрывавшей
стену с профилем Анны Ахматовой в доме
на Хорошинской улице в Ташкенте.
Теперь он хранится в Фонтанном доме
в Санкт-Петербурге.

Редакция благодарит старшего научного
сотрудника Музея Анны Ахматовой
в Фонтанном доме Татьяну Позднякову
за помощь в подготовке материала.

с кувшином. Ей приглянулась карточка, она ее долго рассматривала. А на другой день пришла и протянула этот листок со стихотворением. И звала меня после этого Шахерезадой...

Я листаю один из последних ахматовских сборников и нахожу еще одно ташкентское стихотворение, совершенно очевидно отсылающее к очень конкретному моменту, пережитому поэтом. Галина Лонгиновна смеется:

— Мы жили тогда на Хорошинской улице. Однажды вечером, когда Анна Андреевна была у нас, она села так, что на белой стене четко отпечатался ее профиль. Алексей Федорович обвел его сначала карандашом, а затем углем. Мы шутили, что по ночам профиль сходит со стены и живет своей жизнью, придумывали даже истории на этот счет. Через какое-то время мы завесили стенку куском парчи. «Боже мой, — сказала, узнав об этом, Ахматова. — Какая роскошь всего лишь для бедной тени!»

«Но почему в стихотворении написано: в двух домах?» — думаю я, но уже не решаюсь спросить. На ум приходит одно — второй профиль, начертанный рукой композитора, был в доме самой Ахматовой.

На исходе третий час беседы, Галина Лонгиновна заметно устала, пора уходить. Прощаемся. Нас провожает до калитки журавль. Переступаем порог, и встреча с Ахматовой кажется сном. На улице другое время, вокруг — бетонные многоэтажки и шум большого города.

Через два года Галины Лонгиновны не стало. Мы с друзьями пытались узнать, куда девался архив Козловских. Где журавль? Не ведались в домик на Лобзаке, так назывался район, где она жила. На звонок вышла неприветливая женщина, сказала, что никакой Козловской не знает, и просила больше не беспокоить. Пытались прояснить ситуацию через Союз писателей Узбекистана.

Но советская империя в тот момент стремительно разваливалась, республика обретала независимость, ее народ — национальное самосознание. Политики делили власть, новоявленные бизнесмены — остатки имущества Страны Советов. Русскоязычные



спешно уезжали вон. Было не до реликвий великой русской поэтессы. Да и ту мою беседу с Козловской газета превратила в куцую заметку — мол, не актуально.

Может быть, ташкентские письма и записки Ахматовой всплывут когда-нибудь в частной коллекции, в России или за рубежом? Лишь бы не сгнули как никому не нужное барахло умершей одинокой старухи. А лет десять назад кто-то из старых знакомых сообщил мне, что видел в ташкентском зоопарке танцующего журавля. Неужели это был он, последний друг Галины Лонгиновны?..

Современные мемуары

В один из жарких дней последнего лета Анна Андреевна пришла к нам и собралась уходить уже поздно. У меня на столе стояли белые гвоздики, необычайно сильно и настойчиво-таинственно пахнувшие. Анна Андреевна все время касалась их рукой и порой опускала к ним свое лицо. Когда она уходила, она молча приняла из моих рук цветы с мокрыми стеблями. Как всегда, Алексей Федорович пошел ее провожать. Это было довольно далеко, но все мы тогда проделывали этот путь пешком.

Вернулся домой он нескоро и, сев ко мне на постель, сказал: «Ты знаешь, я сегодня, сейчас пережил необыкновенные минуты. Мы сегодня с Анной Андреевной, как оказалось, были влюблены друг в друга, и такое в моей жизни, я знаю, не повторится никогда. Мы шли и подолгу молчали. По обочинам шумела вода, и в одном из садов звучал бубен. Она вдруг стала спрашивать меня о звездах. (Алексей Федорович хорошо знал, любил звезды и умел их рассказывать.)

Я почему-то много говорил о Кассиопее, а она все подносила к лицу твои гвоздики. От охватившего нас волнения мы избегали смотреть друг на друга и снова умолкали».

*Его исповедь я запомнила дословно, со всеми реалиями пути, чувств и шагов. Поняла, что это был как бы акмеизм в тех их отношениях, которые французы называют *quitter amoureuse*... И я, ревнивейшая из ревнивиц, испытала чувство полного понимания и глубокого сердечного умиления... И когда годы спустя Алексей Федорович впервые прочел эти стихи («В ту ночь мы сошли друг от друга с ума...» — 1959 г.), он ошеломленно опустил книгу и только сказал: «Прочти». Я на всю жизнь запомнила его взгляд и оценила всю высоту и целомудрие этого его запоздалого признания.*

Из неопубликованных мемуаров Г. А. Козловской.
(Цит. по: Марченко А. Ахматова: жизнь. М., 2008. С. 554)



Дослушать недослушанных

«БИБЛИОТЕКА УБИТЫХ ПОЭТОВ» В ФОНТАННОМ ДОМЕ

Галина АРТЕМЕНКО. Фото: Тимур Тургунов



Петербургский художник Григорий Кацнельсон в содружестве с Музеем Анны Ахматовой в Фонтанном доме создал выставку-некрополь «Библиотека убитых поэтов». На каждую из 28 букв алфавита — по одному поэту, чья жизнь оборвалась в эпоху Большого террора. На самом деле их было намного больше, но Григорий решил: одна буква — одна судьба. На стене выставочного зала деревянные ящики-окна с нарисованными на них литерами; открываем крышку-ставню и видим лицо поэта, имя, фамилию, даты рождения и смерти.

В этой необычной библиотеке вместе с известными (Гумилев, Мандельштам, Введенский, Бенедикт Лившиц) возникают и почти забытые фамилии. Здесь и «русский денди» Валентин Стенич — первый переводчик «Улисса», и Тима Вень — коми поэт, и писатель Вениамин Чисталёв, и украин-

ский поэт Гео Шкурупий, и грузин Паоло Яшвили, который не стал ждать, когда за ним придут, а застрелился сам — из ружья, подаренного ему другим впоследствии убитым поэтом Тицианом Табидзе.

Как знак того, что «хотелось бы всех поименно назвать, да отняли список, и негде узнать», в двух ящиках без литер, с пробелами вместо фамилий и координат гибели скрываются портреты без лиц — неназванные, неопознанные, безвестные жертвы.

К теме поэтов, «убитых собственной страной», художник впервые обратился в 2004 году. Тогда он создал «Книгу убитых поэтов». Тогда же начал размышлять не только о поэзии, но и о судьбах людей, эту поэзию творивших, но безжалостно изъятых из своего времени.

ДАНИИЛ
КАРМС

1905
1942



ГЕО
ШКУРУПИЙ

1903
1937

ЮЛИАН
ЩУЦКИЙ

1897
1938



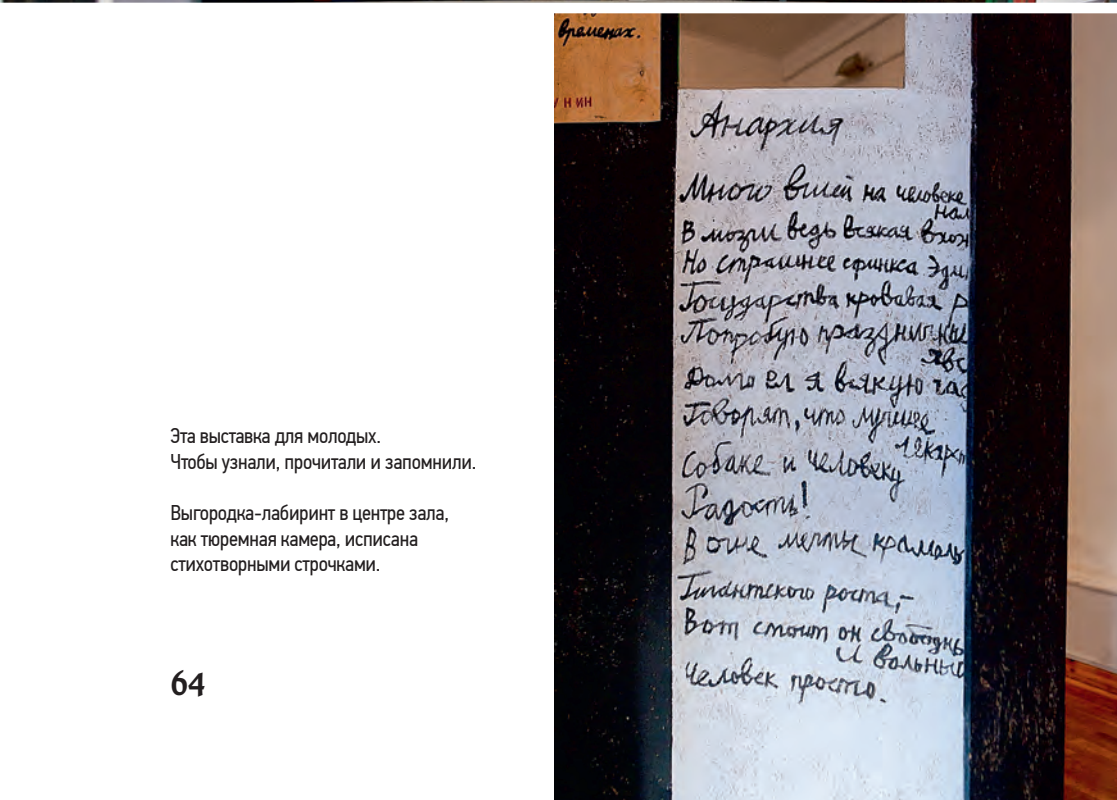
ВОЛЬФ
ЭРЛИХ

1902
1937



ПАОЛО
ЯШВИЛИ

1895
1937



Эта выставка для молодых.
Чтобы узнали, прочитали и запомнили.

Выгородка-лабиринт в центре зала,
как тюремная камера, исписана
стихотворными строчками.

Современные мемуары



— Я пишу портреты живых и ушедших — людей 1920–1930-х годов, — говорит художник. — Нахожу старые фотографии и работаю с ними, пытаюсь выразить свое отношение к каждому человеку. А эта выставка — некрополь; мне кажется, что мы недостаточно помним поэтов своей страны, плохо знаем их биографии и стихи. В городе нет музеев, посвященных им, и хорошо, что появилась улица Хармса, пусть даже на окраине.

Память понемногу возвращается... К примеру, что говорит большинству из нас имя — Юлиан Щуцкий? Между тем это был выдающийся востоковед, философ, переводчик классической китайской поэзии. Щуцкий владел 12 восточными и 6 европейскими языками. Ему мы обязаны переводом и интерпретацией китайской «Книги перемен», исследование которой он защитил в качестве докторской диссертации за два месяца до ареста. Щуц-

кий посещал антропософский кружок, был дружен с Елизаветой Дмитриевой (в замужестве Васильевой) — легендарной Черубиной де Габриак, навещал ее в ташкентской ссылке — это ему в НКВД тоже припомнили.

Чем измерить утрату такой личности? Только ли тем, что без него вьетнамистика в стране надолго заглохла?

Щуцкий жил в Ленинграде на Офицерской улице (ныне Декабристов), в доме № 9, квартира № 2. Недавно на этом доме в рамках акции «Последний адрес» появилась памятная табличка.

Кстати, Музей Анны Ахматовой также присоединился к акции — к фасаду Фонтанного дома прикреплены таблички памяти Николая Пунина (тоже героя выставки) и его зятя Генриха Каминского.

— Выставка создавалась для того, чтобы сюда пришла молодежь, узнала, что у нас были разные периоды в истории — и трагедии, и победы, — продолжает Григорий Кацнельсон. — Чтобы наши современники прочитали стихи этих поэтов.

Еще один из 28 — Сергей Третьяков. Поэт-футурист, соратник Маяковского, теоретик ЛЕФа, автор знаменитой пьесы «Рычи, Китай!», работавший с Мейерхольдом и Эйзенштейном, открывший советскому читателю и зрителю Бертольда Брехта. Третьяков был расстрелян в 1939-м как японский шпион и реабилитирован только в 1956-м. Впрочем, биографию каждого из поэтов, представленных в экспозиции, кроме успешного ценою жизни избежать ареста Паоло Яшвили, венчает строка: по-смертно реабилитирован.

«Чего ты жалуешься, поэзию уважают только у нас — за нее убивают. Ведь больше нигде за поэзию не убивают», — вспомним слова, сказанные Осипом Мандельштамом своей жене Надежде Мандельштам.

Как сказано в каталоге выставки, «Библиотека убитых поэтов» — попытка дослушать недослушанных. Добежать до недобежавших. Дознаться до недопознанных. Допроситься до недопрошенных».

Фото слева:
Григорий Кацнельсон
открывает окна в поэзию.

*С-под подолу рена,
Вразвалку разбрыка,
Рыжие простыни смяв,
Тужит поромы утлые,
Плечом чешась о город, что боров.*

Сергей Третьяков.
«Вятка»

*По городу бродит
на прочих похожее тело.
Прохожие скажут:
«Гляди, от поэзии пьяный».
Но кто понимает,
что это — опасное дело,
что в пламени гибнет
и корчится мозг окаянный?*

Паоло Яшвили.
(Перевод Яна Гольцмана)

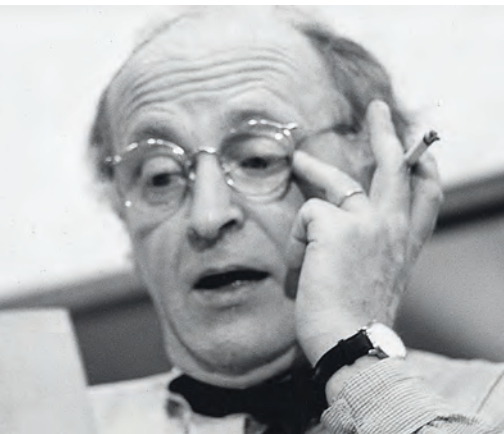
*В изголовии ложа
Сияет, светлеет луна.
Показалась похожей
На иней упавший она.
Посмотрел на луну я,
Лицо к небесам обратив,
И припомнил родную
Страну я, лицо опустив.*

Ли Бо. «Думы в тихую ночь».
(Перевод Юлиана Щуцкого)

Талантам надо помогать

ФОНД ИОСИФА БРОДСКОГО РЕАЛИЗУЕТ ЕГО МЕЧТУ О СОЗДАНИИ РУССКОЙ АКАДЕМИИ В РИМЕ

Людмила КУДИНОВА. Фото: Людмила Кудинова, Екатерина Нечаева



Иосиф Бродский читает свои стихи на Манхэттене. 1992 г.

Мне посчастливилось увидеть Иосифа Бродского в 1992 году, в книжном магазине «Русский дом» на 5-й авеню Нью-Йорка, где он встречался с читателями. Я спросила поэта, могу ли фотографировать во время его выступления, и была почти уверена в отказе (комната совсем небольшая, камерная атмосфера, и каждый щелчок затвора как выстрел). «Да, — спокойно ответил он, — только немного, чтобы не мешать другим слушать». Он не спросил, ни кого я представляю, ни как собираюсь использовать фотографии, и начал читать стихи.

После той единственной для меня встречи остались несколько снятых кадров и образ Поэта, немного отрешенного и мудрого. «Да, очень характерный для Иосифа жест», — подтвердила Энн Шеллберг, глядя на фотографию Бродского 23-летней давности в моем телефоне. Мы встретились

в ее квартире в Гринвич-Виллидже, одном из районов нью-йоркского Манхэттена.

Энн Шеллберг — близкий друг Бродского в течение последних десяти лет его жизни. Их познакомила замечательный писатель Сьюзен Сонтаг, по рекомендации которой Энн начала раз в неделю помогать Бродскому (сортировала корреспонденцию, вела переписку, печатала рукописи), превратившись со временем в его личного секретаря, надежного штурмана в издательском море.

Именно ее Бродский назвал в завещании своим литературным душеприказчиком. Я всматривалась в ее лицо, глаза, движения, пытаюсь уловить отражение тех качеств, которые ценили в ней Сонтаг и Бродский. По моим ощущениям: профессионализм, терпение, чуткость, такт. Она и сейчас продолжает заниматься делами Иосифа Бродского, едва ли не важнейшее из кото-

Поверх барьеров



рых — создание Русской академии в Риме. Это последняя мечта поэта — чтобы, как в XIX веке, посылать одаренных литераторов и художников на стажировку в Италию, поближе к творениям великих мастеров. Ради воссоздания этой традиции Бродский задумал учредить фонд, который возник уже после его смерти (Joseph Brodsky Memorial Fellowship Fund). Фонд возглавляет вдова поэта Мария Соццани-Бродская; Энн — его бессменный секретарь.

Фонд — некоммерческая организация, существующая на пожертвования благотворительных организаций и частных лиц, — ежегодно направляет двух стипендиатов из России (поэта и художника) жить и творить в Риме в течение трех месяцев. Отбор проводится по сложной системе, к нему на условиях анонимности привлечены независимые эксперты и консультанты по всей стране. Номинанты не знают о своем участии в отборе: инфор-



мация о получении стипендии и сопутствующие документы доставляются им почтовой службой на дом. Пока, за неимением собственных апартаментов в Вечном городе, для них снимают квартиры. А, к примеру, художник Диана Мачулина жила в Американской академии, среди людей творческих профессий из разных стран и запомнила «совместные ужины и обеды, которые объединяли всех за столом и превращались в длительные застольные беседы».

Стипендия — не для начинающих талантов, ее удостоиваются уже сложившиеся мастера, имеющие своих почитателей. Энн поясняет, что Иосиф замыслил академию для себе подобных, творцов с чувством голода к новому опыту и новым алгоритмам мышления, способных освоить еще неизведанные пласты искусства и тем самым поднять уровень мировой культуры.

Фото слева направо:
Почтовая служба США выпустила марки с портретами десяти самых почитаемых поэтов Америки: Иосиф Бродский в их числе.

Иосиф Бродский сохранял номера всех своих автомобилей.

Энн Шеллберг не только отвечает за творческое наследие поэта, но и бережет вещи с его рабочего стола.



Идея академии в том, чтобы дать возможность русским писателям и художникам вдохновиться этим городом, в котором столетиями до них черпали вдохновение творческие люди из разных стран, в том числе из России. Иосиф не раз приезжал в Рим как гость Американской академии. Именно ее он взял за модель для создания Русской академии. Идею поддержали его ближайшие друзья: Мстислав Ростропович, Исайя Берлин, Михаил Барышников, Роберт Силверс, Бенедетта Кравери, Роберт Калассо, Энн Шеллберг, Маша Воробьева. Осенью 1995 года он говорил о возможности создания академии с тогдашним мэром Рима Франческо Рутелли, даже определил первый состав отборочного комитета (жюри), описал пути решения некоторых организационных проблем. Эти предложения были опубликованы вскоре после его смерти в журнале «Нью-Йорк Ревью оф Букс» (The New York Review of Books).

Мне повезло вот уже более девятнадцати лет работать с прекрасными друзьями, возглавляя Фонд стипендий памяти Иосифа Бродского. Они помогают воплотить мечту Иосифа о создании академии в Риме, пока в виде «передвижной модели». Это памятник, который понравился бы ему, нечто в движении, без пьедестала. Это маленький шаг к «глобальной культуре», которую мы призваны формировать, особенно в эти непростые политические времена.

Мария СОЦЦАНИ-БРОДСКАЯ

Михаил Барышников, Энн Шеллберг, Мария Соццани-Бродская на презентации Фонда стипендий памяти Иосифа Бродского в Италии. Венеция, церковь Мадонна дель Орто. 7 июня 2013 г.

Стипендиат Фонда Иосифа Бродского Дмитрий Каминкер. Проект скульптурной композиции, посвященной очкам И. Бродского. 2003 г.

По замыслу автора, само изготовление этой композиции из гранита, железа и брусчатки, выявляющее «стихотворную» структуру камня, может превратиться в акт искусства.

Поверх барьеров

На сегодня более тридцати стипендиатов Бродского побывали в Риме. В их числе художники Наталья Першина-Якиманская (Глюкля), Ольга Флоренская, поэты Сергей Гандлевский, Михаил Еремин, Тимур Кибиров, Сергей Стратановский, скульптор Дмитрий Каминкер и другие, чья международная известность после стажировки стала неоспоримой.

Энн привлекает к работе фонда молодых почитателей Иосифа Бродского, таких как кандидат в совет директоров Мария Генкина. Они помогают в проведении благотворительных мероприятий в Нью-Йорке по привлечению средств. Так, в 2014 году состоялась замечательная встреча с одним из ближайших друзей Бродского легендарным Михаилом Барышниковым после его выступления в постановке Роберта Вилсона «Старая женщина» в Бруклинской академии музыки. Стоит упомянуть и встречу с поэтом и драматургом, нобелевским лауреатом Дерекотом Валкоттом, который также дружил с Бродским и рассказал о его постоянном интересе к ярким явлениям мировой поэзии.



Поверх барьеров



В этом году фонд и группа его стипендиатов принимают участие в праздновании 75-летия со дня рождения Иосифа Бродского и в открытии музея поэта в Санкт Петербурге. На приуроченной к этой дате научной конференции Энн собирается говорить о начале работы над электронным изданием полного собрания сочинений Бродского, включающим библиографические и текстологические тома, что сулит новые возможности для изучения его творчества.

Очень трудно перечислить все дела и заботы Энн, связанные с наследием Иосифа Бродского. Она следит за публикациями его произведений и соблюдением авторских прав, контролируя исполнение точных инструкций и стандартов, оставленных Бродским. Поэт Глин Максвелл сверяет с ней каждую строчку своих переводов на английский язык последних написанных на русском стихов Бродского. Несмотря на феноменальный технический талант Глина, процесс идет медленно, что связано с жесткими требованиями Бродского к поэтическому переводу. Переведенные стихи понемногу печатаются в «Нью-Йорк Ревью оф Букс», где

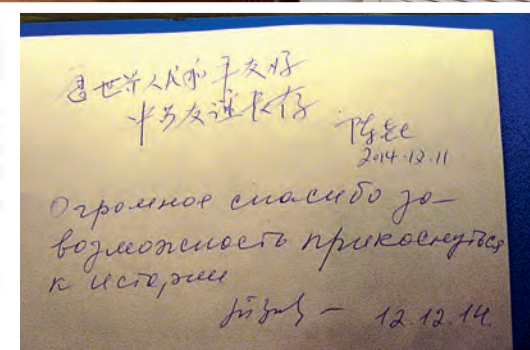
Энн Шеллберг является одним из редакторов, кроме того, она издает свой ежегодный поэтический журнал «Маленькая звезда» (The Little Star).

После интервью и фотосъемки в квартире (она же офис фонда) Энн предложила мне взглянуть на те места, где любил гулять Иосиф Бродский, живший в нескольких кварталах от нее и от реки Гудзон. Переезжая в Нью-Йорк, поэт надеялся видеть океан каждый день (вода была для него главной стихией), но рядом с его домом протекала «только» река. Бродский любил прогулки и разговоры с гостями над водой, любил уходить в самый дальний конец причала, туда, где ветер спускается к реке. Возможно, здесь ему вспоминался «хор воды и небес, и гранит» в городе своей юности?

Энн закончила рассказ и, попрощавшись, отправилась по делам. А я с мыслями о Бродском, его удивительной судьбе и продолжающейся жизни двинулась со своей камерой дальше вдоль Гудзона, в конец причала — туда, где ветер...

Дом, где жил Бродский, на Мортон-стрит, 44.

Конец причала на пирсе в районе Гринвич-Виллидж, где ветер спускается к реке.



«Американский кабинет»
Иосифа Бродского в Фонтанном доме.



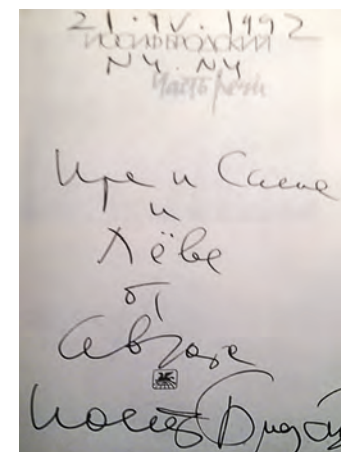
Мелодичная часть речи

ПОЭЗИЮ БРОДСКОГО ТРУДНО ПЕРЕЛОЖИТЬ НА МУЗЫКУ. НО ВСЕ-ТАКИ ВОЗМОЖНО

Александр ЖУРБИН. Фото: Людмила Кудинова, семейный архив А. Журбина

Начну с небольшого мемуара, навеянного фотографией Людмилы Кудиновой. В 1992 году моя жена Ирена Гинзбург-Журбина работала на русском ТВ в Нью-Йорке, была продюсером и ведущей. И когда она узнала, что Иосиф Бродский, кумир нашей юности, будет выступать в книжном магазине на 5-й авеню, мы большой компанией (журналисты, литераторы, телевизионщики — русскоязычных интеллектуалов в Нью-Йорке в ту пору было предостаточно), не раздумывая, туда отправились — ведь Бродский читал свои стихи публично крайне редко. Стихов в тот вечер прозвучало много, в основном из книги «Часть речи». У нас с собой как раз была эта книга, и он ее нам подписал, после чего жена сфотографировала нас. Кстати, именно Ира была продюсером телевизионной съемки этого вечера.

Бродского я знал давно. Моя питерская юность (это был конец 1960-х — начало 1970-х, когда я учился в аспирантуре Ленинградской консерватории и писал диссертацию о Густаве Малере) прошла под знаком Бродского. Я его читал (конечно, в самиздате) и восхищался. Несколько раз видел его с Гришей Забельшанским, Женей Рейном, Львом Лосевым, Володей Герасимовым. Но, восхищаясь его личностью и творчеством, всегда был от него на почтительном расстоянии. Зная его друзей и конфидентов, вращаясь с ним время от времени в одних кругах, никогда не набивался к нему в приятели, не просил автографов, не фотографировался с ним (теперь немного жалею об этом). Потом уже в Нью-Йорке видел его много раз. Был на разных его выступлениях, как для американцев, так и для русских. Снова восхищался, беседовал, за-



Автограф поэта. 21 апреля 1992 г.

Иосиф Бродский, Ирена Гинзбург-Журбина и Александр Журбин. Обе фотографии сделаны в книжном магазине на 5-й авеню Нью-Йорка. 1992 г.



давал вопросы, пожимал руку... Вот и на том вечере в книжном магазине в 1992 году мы немного поговорили, вспомнили общих знакомых...

Позже, в 1994 году, мне пришла в голову музыкальная идея, связанная с его поэзией. Дело в том, что довольно много музыки, как я обнаружил, было написано на его русские стихи и некоторое количество — на английские. Поэзия Бродского, безусловно, очень музыкальна, но это музыкальность особого свойства. Она не сопрягается с традиционной музыкальной формой и очень нелегко перекладывается на обычные песенные или романсовые мелодии.

Сам Бродский не любил, когда его стихи пели, «перекладывали» на музыку, считал, что они и без музыки хороши... Иногда в моем присутствии он довольно крепко выражался по поводу композиторов, осмелившихся «омызыкалить» его поэзию. Помню, как он грозился разбить гитару на голове известного питерского барда Евгения Клячкина, автора музыки к его ранним «Пилигримам». Где-то я читал, что Клячкин на публике исполнял «Пилигримов», объявляя автора стихов, даже в дни суда над Бродским. Не уверен, что об этом знал Иосиф, но боюсь, что если бы и знал...

Думаю, правда, и то, что каждый композитор, подступая к его стихам, втайне тешил себя надеждой, что сочинение понравится Бродскому и он скажет: «Наконец-то нашелся хоть один, кто понял мои стихи и по-настоящему воплотил их в музыке!» Не скрою, что и я не избежал таких мечтаний.

Так вот, я придумал удивительную вещь: написать что-то вроде небольшой кантаты для хора а сарелла сразу на два стихотворения Бродского: одно из них на русском языке, а другое на английском, причем в переводе самого поэта.

К тому времени я уже прилично понимал по-английски и был в состоянии оценить мастерство Бродского-переводчи-



ка. Сначала я посмотрел его замечательные переводы Джона Донна на русский, потом переводы собственных стихов на английский. И тут я был абсолютно потрясен. Структура стихов, даже количество слогов и рифм, полностью сохранялась. При этом они звучали по-английски совершенно адекватно и главное — оставались поэзией. (Я проверял это на нескольких весьма образованных американцах.)

Словом, я решил создать такой необычный симбиоз и взял для этого известное стихотворение Бродского «Часть речи», им же переведенное на английский. Закончив работу над кантатой, послал ее на конкурс произведений для хора в Сан-Франциско и, как ни странно, этот конкурс выиграл. После чего, в очередной раз увидев Иосифа, сообщил ему, что вот написал такое сочинение и хотел бы ему показать его в записи. Он язвительно хмыкнул, однако сказал, ну, мол, пришлите, когда будет запись.

Через несколько месяцев, осенью 1995-го, кантату с большим успехом исполнил в Сан-Франциско Камерный хор города

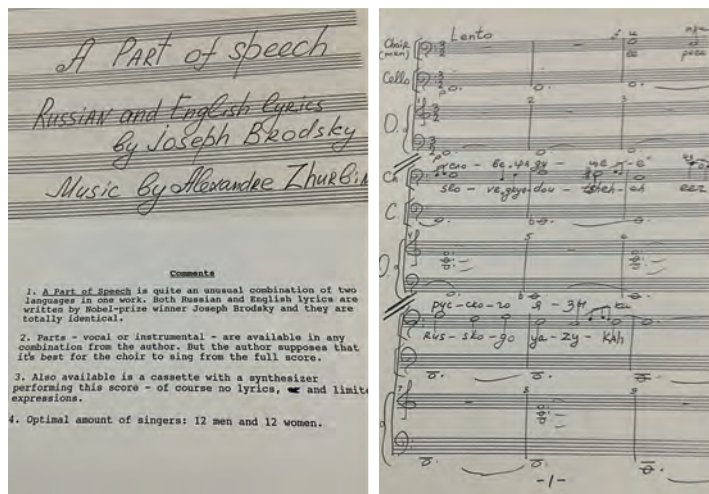
Поверх барьеров

(дирижер Сэнфорд Доул). Я получил пленку и стал ждать удобного случая, чтобы передать ее Бродскому не по почте, а из рук в руки. Время шло, случай все не подворачивался. Вскоре мне пришлось уехать в Москву. И там меня настигла весть о его безвременной кончине. Я даже не мог проститься с ним на похоронах, был только на сороковине, в соборе Saint John Divine.

...Бродский относится, безусловно, к числу небожителей. Сотни страниц воспоминаний рисуют разные стороны его характера, привычки, круг общения, словом, все, что касается обыденной жизни, что в принципе можно написать о любом человеке. Интереснейшие «Разговоры с Бродским», зафиксированные Соломоном Волковым, открывают многое в нем и о нем, что ранее не было известно.

И все-таки остается загадкой, в какой момент этот человек, с присущими ему слабостями и пороками, взглядами и мнениями, которые часто не поднимаются выше некоего среднего, вернее, нормального уровня, если хотите, продукт советской системы, воспитанник обычной семьи и школы и питерских «уличных университетов», — в какой момент он отрывается от всех нас и переносится в заоблачные сферы? Там он творит свои стихи, поэмы и эссе, в которых сама эта жизнь с ее бытовыми подробностями преобразуется настолько, что мы как замороженные слушаем его, идем за ним как за крысоловом из Гаммельна и даже не отдаем себе отчета, что все это написал наш знакомый — «обыкновенный» человек. Вот уж поистине, «пока не требует поэта...».

Хотя и другие пушкинские слова здесь уместны — о том, что великий человек если и грешен, то не так, как чернь, как толпа, как все мы. Бродский — одна из величайших личностей из тех, кого мне довелось встретить, и, наверное, один из величайших поэтов XX века, быть может, последний великий поэт на земле. Для меня он навеки останется «петербургским сновидением».



Александр Журбин:
— Поэзия Бродского очень музыкальна, но это музыкальность особого свойства.

Первые страницы партитуры кантаты «Часть речи» / A Part of Speech.

Дом – имя историческое

СТРОИТЕЛЬНЫЙ ХОЛДИНГ СОЗДАЕТ КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЦЕНТРЫ И ХРАМЫ

Аркадий СОСНОВ. Фото: Максим Неизвестных, архив компании «АрКо», пресс-служба Александро-Невской лавры



Особая примета архитектуры в эпоху массового жилищного строительства — отсутствие особых примет. Едешь по многолюдному району мегаполиса десять, пятнадцать, двадцать минут — и ни одного здания, достойного вызвать интерес «лица не общим выраженьем». Ситуация из культового фильма «Ирония судьбы, или с легким паром!» вполне возможна и в наши дни.

Такое «кино» не по вкусу Федору Олеговичу Туркину, потому что с детства он мечтал проектировать и строить небоскребы, и мечту свою осуществил. Он построил самый высокий в Санкт-Петербурге жилой комплекс «Князь Александр Невский», название которого отвечает не только внешнему облику здания, но и принципам формирования историчной городской среды. Удивительно, что это место при впадении речки Мурзинки в полноводную Неву считалось среди застройщиков невыгодным, при-

годным разве что для бобров, — Туркин, глава группы компаний «РосСтройИнвест», терпеливо ждал и выкупил участок при первой возможности.

Мало сказать, что высотный комплекс, увенчанный стилизованным ратным шлемом из стали, гармонично вписан в ландшафт Рыбацкого, — он стал доминантой при въезде в Санкт-Петербург с юга, преобразив еще вчера депрессивный район. С верхних этажей открывается панорама Невы с вантовым мостом, не уступающая открыточным видам города. Зрима в ясную погоду переключка с громадой Исаакия и телебашней напоминает: все это град Петров, единственный и неповторимый. Назвав свое 35-этажное детище именем святого небесного покровителя Санкт-Петербурга, Федор Туркин задумался: где-то совсем неподалеку князь со своей дружиной защищал родную землю от неприятеля, а что знают

Эффективная практика

об этом жители 1600-квартирного гиганта и окрестных зданий? Так возникла идея открыть в жилом комплексе «Князь Александр Невский» одноименный народный музей в составе культурно-образовательного центра.

Если кому-то в слове «народный» почудился намек на любительский характер учреждения, спешу заверить — это не так: музей отвечает базовым профессиональным критериям, в чем заслуга его директора Анатолия Андриенко, которому Туркин доверил столь ответственное дело. Часть предметов получена от дарителей, часть передал из своей коллекции, собранной в ходе этнографических экспедиций по местам сражений 800–900-летней давности, Андриенко. Рядом артефакты, найденные при раскопках древнего Пскова и Новгорода.

И все это в жилом комплексе. И научные конференции, посвященные Александру Невскому и его эпохе и 775-летию Невской битвы, проводились в этих же залах цокольного этажа. Но все-таки главная задача — донести до посетителей, в первую очередь молодых, знания о жизни на Руси в XIII веке, когда ее теснили монгольские завоеватели, тевтонские и ливонские рыцари, о битвах с ними русского воинства под водительством князя Александра Ярославовича. Музей помогает приблизить то время, буквально прикоснуться к нему. Реплики из коллекции русского холодного оружия XI–XIII веков можно подержать в руках и примерить. И, скажем, представить себе, как новгородские ополченцы управлялись с мечами весом 2–2,5 килограмма, освобождая Копорье, Псков, Изборск, побеждая в Ледовом побоище...

Вход в музей свободный. Здесь постоянно бывают жильцы дома, регулярно проводятся экскурсии для школьников, курсантов военных училищ и горожан. Такие вот уроки истории под крышей дома своего.

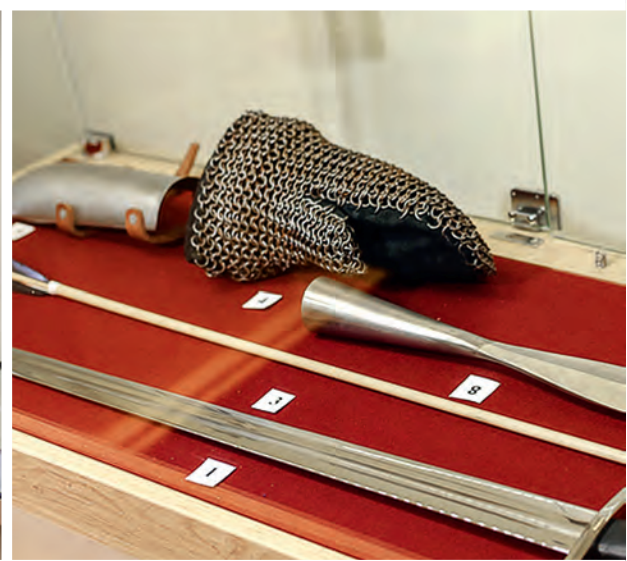
Пригласил Федор Туркин на экскурсию в музей и олимпийского чемпиона по шорт-треку Виктора Ана, которому коллектив группы компаний «РосСтройИнвест» подарил просторную квар-



тиру в жилом комплексе. Было за что — корейский уникум, принявший российское гражданство, выиграл три золотые медали на Играх в Сочи-2014! На редкость интеллигентный чемпион примерил шлем с забралом и уважительно подержал в руках тяжелый новгородский меч. В квартире новоселу все понравилось: планировка, элегантная мебель, эстампы на стенах и в целом интерьер

Хотя комплекс «Князь Александр Невский» назван в честь былинного героя, смотрится он как гость из будущего.

Фото на странице 74:
Один из интерьеров музея «Князь Александр Невский».



Эффективная практика



(недаром Туркин изучил книгу о современном корейском дизайне и передал ее вместе со своими рекомендациями «господам оформителям»).

— Вы настоящий герой России и должны чувствовать себя здесь не как дома, а просто дома, — сказал он.

Федор Олегович рассказывал Виктору о будущих соседях — среди них много интересных людей, о детском садике и секциях культурно-образовательного центра, куда можно в перспективе отдать детей, и ненавязчиво продвигал еще одну идею: поблизости расположен спортивный комплекс Обуховского завода с отличным катком, питерская детвора была бы счастлива заниматься в школе многократного олимпийского чемпиона. Более того, он уже переговорил на этот счет с генеральным директором Обуховского завода. Казалось бы, хлопоты для застройщика совсем избыточные: воздвиг ты дом высотой 114 метров, продал квартиры и двинулся дальше. Но сие не в характере Федора Туркина, его прагматизм — на пользу людям.

Недавно один деловой портал задал девелоперам вопрос о том, почему в проектах комплексного освоения территорий все чаще появляются церкви. Среди ответов фигурировали маркетинговая фишка для покупателей жилья, конкурентное преимущество, пожелание местных властей... Показал эту анкету Федору Туркину и услышал:

— Ни один вариант нам не подходит. Мы решили продолжить традицию устройства храмов в честь святого благоверного князя Александра Невского, их сотни по всему миру, но ни одного не было в жилом комплексе.

Сначала предполагалось разместить храм на одном из верхних этажей, под куполообразным шлемом, подниматься к нему на скоростных лифтах. Но красивой идеей пришлось пожертвовать ради удобства прихожан из других домов. Отвели под храм просторное светлое помещение на первом этаже, спроектировали алтарь, за алтарную часть, комнату отдыха для священника.

Насельник Свято-Троицкой Александро-Невской лавры отец Серафим, который помогал обустроить храм, а теперь

Поздравления новоселу.

Виктор Ан понемногу обживает в новой квартире над Невой.

В промежутках между соревнованиями и сборами он хочет приезжать с женой в эту квартиру, пригласить сюда родителей — места хватит. А уж после Олимпийских игр 2018 года, которые пройдут в Корею (для Виктора это дополнительная мотивация), сможет обосноваться в Петербурге, привыкать к семейному уюту и домашней кухне.

Фото на странице 76:

В музее два зала — ратной славы и этнографический.

В отдельной витрине экспонируются реплики орденов Александра Невского, которыми награждались выдающиеся полководцы разных лет.

Минувшим летом в музее состоялась церемония дарения печатных и электронных книг партнерами альманаха «Русский Меценат». Сначала директор Президентской библиотеки имени Б. Н. Ельцина по общественным связям и массовым коммуникациям Валентин Сидорин представил ее дар — диск с электронными копиями раритетных изданий 1825, 1898 и 1899 годов с жизнеописаниями Александра Невского.

Затем управляющий партнер инвестиционной группы Richness Realty Олег Никифоров, возглавляющий Санкт-Петербургское отделение Общества любителей древней письменности, разместил на столе более весомый подарок — 23 красочно иллюстрированных тома летописного свода XVI века «Русь» (на старославянском и современном русском) и три тома перевода (только на русском).

Книги существенно пополнили библиотеку музея в канун учебного года. А первыми читателями новых поступлений стали юные жители небоскреба.



отправляет богослужения в храме, рассказывает, что прихожан становится все больше:

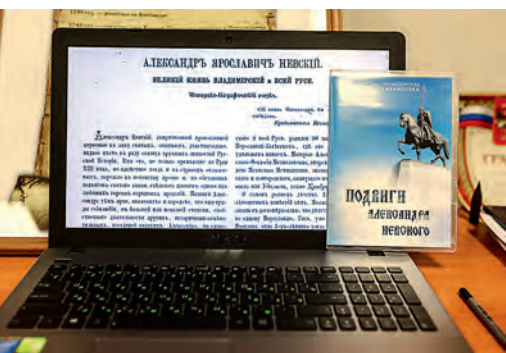
— Просят повенчать, крестить, освятить квартиру. Что ж, у нас совершаются все таинства. Замечаю, что молодые тянутся к вере. Спрашивают, можно ли прийти попозже, после работы, а я отвечаю: неважно когда, важно, что ты пришел помолиться. Успевают и на исповедь, и на причастие. Главное, чтобы Господь коснулся сердца...

— Я-то прихожу каждый день, а наплыв у нас в основном по церковным праздникам, в Троицу, на Пасху, на Рождество, — подхватывает прихожанка Вероника Васильевна. — Наряжаем храм, накрываем стол, каждый приносит свою лепту. Приглашали ребятшек из детского дома, устроили выставку их игрушек-самоделок, и ни один ребенок не остался без подарка.

Ближайшее праздничное богослужение состоится 6 декабря — в день преставления святого благоверного князя Александра Невского... Вот и судите, что значит для Федора Олеговича и его супруги Нины Абрамовны, попечительницы храма, этот «церковный проект» — маркетинговый ход или нечто большее?

На мои рассуждения о том, что раньше строили дома, а теперь жилые комплексы вроде этого, где все так славно предусмотрено, — можно из квартиры прямо в шлепанцах спуститься в магазин, в аптеку, в салон красоты или фитнес-клуб с 25-метровым бассейном, Туркин с ходу возразил:

— Для удобства потребления много чего придумано. У нас иная стратегия: научить отдавать, и культурно-образовательные центры в наших комплексах этому способствуют. Дети бесплатно занимаются в кружках (иностранные языки, шахматы, робото-



Эффективная практика

техника и другие), вместе со взрослыми посещают музыкальную и литературную гостиные, театральную студию. Когда на глазах пап и мам они вырастают как личности, у родителей тоже возникает желание творить добро. Мы это реально ощущаем по их участию в наших программах. В рамках этой стратегии будем открывать культурно-образовательные центры с тематическими музеями и в комплексах «Город мастеров», «Петр Великий» и «Екатерина Великая».

Даже из названий ясно, что каждый комплекс самобытен, историчен (не чета всяческому «грандам», «плазам» и «таунам»). Дать гордое имя объекту инвестор вправе, но и сознавать ответственность за него, неизбежность трат на нетривиальную архитектуру и идейное наполнение обязан. С ответственностью у Туркина полный порядок, иначе бы не музеи и храмы затевал, а на эти площади парочку магазинов пустил. Он объясняет, что через названия обращает жильцов — и сам обращается — к живой истории нашей родины.

— Погружаясь в нее, ты видишь, что нашим предкам жилось гораздо труднее, чем нам сегодня, но они с честью выходили из сложнейших ситуаций, Россия прирастала силой, могуществом, знаниями. Мы должны учиться у них творить свою историю.

Символично, что «Петр Великий» и «Екатерина Великая», расположенные в Усть-Славянке, и «Князь Александр Невский», что в Рыбацком, будут смотреть друг на друга. Визуальная близость имеет глубинный подтекст, подчеркивает неразрывную связь истории России и Санкт-Петербурга. Есть в ней и присущая петербургской архитектуре ансамблевость. Стройка еще не началась, а Туркин уже размышляет о концепции музея, призванного раскрыть величие «державца полумира».

— Петр был человеком очень крутым, неоднозначным, но он империю создал! Он измерял успех делами во благо страны, а не словами. И это нас обязывает отразить в экспозиции его реальные свершения...



В домовом храме жилого комплекса «Князь Александр Невский».

Отец Серафим помогал обустроить храм, а теперь совершает в нем богослужения.

Фото на странице 80:
Панорамный вид с крыши жилого комплекса «Князь Александр Невский».

Жилой комплекс «Город мастеров».

Такими будут «Петр Великий» и «Екатерина Великая».



В доверительном разговоре Федор Олегович признался, что в детстве мечтал стать архитектором, но не преуспел в рисовании, поэтому выбрал близкую к архитектуре стезю строителя. В конце концов ему повезло найти единомышленника в лице архитектора Михаила Павловича Копкова, который воспринимает и развивает его замыслы. «Князь Александр Невский» проектировала персональная мастерская Копкова «АрКо». После завершения объекта они с Туркиным создали совместную проектную компанию. Наведшись в мастерскую Копкова, я застал его за проработкой эскиза интерьера храма, с алтарем и иконой, наподобие рублевской, для жилого комплекса «Город мастеров».

Также выяснилось, что Федор Туркин, не числа себя композитором, выпустил уже два диска под скромными названиями «Начало» и «Продолжение». Работая над текстом, я вставлял их один за другим в дисковод компьютера и был заморожен изяществом и напевностью этой музыки. Подумалось: если в человеке звучат такие мелодии, он по определению будет строить одушевленные дома.

Эффективная практика

Комментирует наместник Свято-Троицкой Александро-Невской лавры, епископ Кронштадтский, владыка НАЗАРИЙ:

— Создать домовый храм Александра Невского было нашим обоюдным стремлением с группой компаний «РосСтройИнвест». Дело это сравнительно новое, до революции домовые храмы были в основном при дворцах. Но поскольку строители назвали жилой комплекс именем Александра Невского, то мы отнеслись к этой идее благосклонно и подключились к ее реализации. Можно сказать, наши желания, чтобы и домовый храм носил это имя, совпали. Хорошо, если бы всегда в жизни так было!

Для нас неважно, что храм не отдельно стоящий, не сразу появились купол и крест. Это внешняя атрибутика, а вера должна быть внутри человека. Важнее то, что компания, которая нашла возможность выделить помещение для храма, не бросила его на произвол судьбы, а продолжает благоукрашать, способствует тому, чтобы молящиеся и священник чувствовали себя комфортно. Видно, что люди подошли к теме всерьез, не ради пиара или маркетинга. Ни в каких рекламных буклетах о том, что в доме будет храм, заранее не сообщалось.

Прихожане, конечно, рады, заселяясь в дом, узнать, что в нем есть церковь. Хочу им сказать: не сетуйте, что она ненамолоченная. Чужими молитвами в царствие небесное не попадешь, надо молиться самим. К примеру, когда я был настоятелем в Коневском монастыре и речь зашла о возвращении из Финляндии чудотворной Коневской иконы Божьей Матери, я сказал: «Братия, давайте молиться так

усердно, чтобы и наша икона стала чудотворной». Здесь тот же случай.

Наш монастырь пожертвовал домовому храму Александра Невского иконы, считая его своим маленьким подворьем и взяв попечение над ним. Нам с руководством строительной компании предстоит совместная работа по созданию достойного иконостаса. Я бы очень хотел, чтобы в ней участвовали прихожане, жильцы этого и соседних домов. Когда человек отдаст что-то свое, пожертвует или привнесет, он этим дорожит. А то, что ему построили и принесли на блюде, ценится меньше. Ведь как раньше возникали приходы? Собирались люди, создавали общину, строили храм и лишь потом приглашали священника для совершения богослужений. Так и должно быть в идеале.

Мне не очень нравится укоровившееся выражение «храм шаговой доступности». Это же не супермаркет и не фитнес. Я бы рассматривал храмы при жилых комплексах в ином, социальном аспекте. Представьте себе: у нас есть приходы по 50 человек, а в таких комплексах могут жить пять-шесть тысяч человек. По сути, огромный приход. Понятно, мы не считаем, что все эти тысячи придут в домовый храм. Но он сулит большое облегчение тем, кто в силу возраста или недугов не может поехать в более отдаленный храм.

При этом решается еще одна проблема — строительство храмов в спальных районах. В Москве такая программа есть, возможно, у нас эту потребность на первых порах удастся удовлетворить за счет домовых храмов. Особенно если убедить строителей, чтобы они заранее проектировали храм, как в жилом комплексе



«Князь Александр Невский», а не приспособляли под него готовое помещение.

Телевизионный проект «Имя России», проведенный в 2008 году, показал, насколько почитаем в нашей стране святой благоверный князь Александр Невский. Зрителям его представлял митрополит Кирилл, будущий Святейший Патриарх. С церковной точки зрения, если

человека чтут и помнят, в его честь строят храмы. Тогда я задался целью изучить, сколько из них носят имя Александра Невского. В результате на сегодняшний день вышел первый том своеобразной энциклопедии, в котором около 600 адресов и описаний таких храмов, часовен и других молитвенных мест. Во втором томе, который мы сдаем в типографию, — примерно столько же. Будет и третий том — об утраченных храмах.

Я не нашел храмов имени Александра Невского только в Австралии и в Латинской Америке, зато они есть в Африке, Японии, Северной Америке и, конечно, в России.

Домовый храм Александра Невского в Санкт-Петербурге тоже в этом ряду как доброе патриотическое дело, помогающее нынешним поколениям приобщиться к вере и к славной истории своей родины.

Обретение памяти

ПОДВОДНЫЕ АРХЕОЛОГИ РЕКОНСТРУИРУЮТ ХОД ВЫБОРГСКОГО СРАЖЕНИЯ

Аркадий СОСНОВ. Фото: Виктор Лягушкин, Игорь Галайда, из личного архива Романа Прохорова, Максим Неизвестных

Российско-шведской войне 1788–1790 годов посвящен лишь один абзац в школьных учебниках истории, о ее кульминации — Выборгском морском сражении 22 июня 1790 года в них не упомянуто вовсе. А ведь это была крупнейшая битва парусных флотов на Балтике. Шведы, желая вернуть земли, утраченные после Северной войны, высадили десант, намереваясь захватить Выборг, а затем с моря и суши двинуться на Петербург. Расчет был и на то, что параллельно Россия воевала с Турцией, распыляя силы. Но реваншистские планы не сбылись. Шведская эскадра была окружена в Выборгском заливе, после 29 дней блокады решила на отчаянный прорыв, приведший к фатальным потерям, — затонуло около 60 кораблей, треть корабельного и часть армейского флота. Русские потеряли только шхуну «Слон» и 156 человек убитыми. Из-за не-

решительности командующего Балтийским флотом адмирала Василия Чичагова (тем не менее награжденного Екатериной II высшим орденом Российской империи — Святого Георгия первой степени) не удалось организовать должное преследование отступающих, но в мирном договоре, заключенном в августе 1790 года в финской деревне Вяръя, Швеция подтвердила довоенные границы.

В сражении участвовали представители многих стран Европы. Шведской армадой, выдвинутой на расстояние маршевого удара до молодой российской столицы, командовал сам король Густав III. России не хватало морских офицеров, и будущая гордость нации — юные гардемарины и мичманы Юрий Лисянский, Василий Головнин, Петр Рикорд, Иван Крузенштерн — получили боевое крещение под Выборгом, в море





Фото слева направо:
Вахта в Выборгском заливе.

Водолазная династия: отец и сын Галайда с аппаратурой для подводной видео- и фотофиксации.

На странице 83:

План Выборгского морского сражения. Хранится в фондах Государственного исторического музея, в составе коллекции отдела картографии. Автор неизвестен.

вышли многие сухопутные офицеры. А еще эту войну называют школой будущих генералов 1812 года: Дмитрий Дохтуров, Василий Гарпе, Федор Буксгевден... В составе нашего флота было немало англичан (так, британские офицеры Роберт Кроун и Джеймс Тревенен, сопровождавший Джеймса Кука в кругосветном плавании, командовали русскими кораблями; первый впоследствии стал российским адмиралом, второй погиб в сражении) и даже 112 турок, плененных на Черном море.

— Мы поразительно мало знаем об этой войне — единственной выигранной Россией на море. Ко всему прочему, это была война брата с сестрой, точнее, кузена с кузиной, поскольку Екатерина II и Густав III состояли в родстве по линии Гольштейн-Готторпов, — эти увлекательные подробности сообщает мне научный руководитель Национального центра

подводных исследований (НЦПИ) Андрей Лукошков в крохотной кают-компании исследовательского судна, качающегося на темных волнах Выборгского залива у мыса Крестовский (Крюссерорт), в месте прорыва шведской эскадры. Вдоль бортов закреплена научная аппаратура, на узкой палубе развешаны водолазные костюмы. Небосвод тоже по-осеннему темный, неприветливый, и легко представить себе, как 225 лет назад в этой чаше с гранитными берегами кипел двухдневный бой, сопровождаемый штормом.

Цель экспедиции под эгидой Центра подводных исследований Российского географического общества (ЦПИ РГО) — реконструировать ход сражения, ведь оно протекало не так, как планировали военачальники с обеих сторон, а значит, и не совсем так, как изложено в их отчетах; русские и шведские ис-

Наследие

точники того времени противоречат друг другу. Восстановить подлинную картину событий помогают поиск и исследование затонувших кораблей, позволяющие постфактум определить, в каком направлении они двигались, где и по какой причине погибли. Каждая находка обещает открытия, но, чтобы сделать ее, надо изучить десятки вахтенных журналов с описаниями боя и пеленгами кораблей, построить маршруты их движения, составить прогнозные карты с учетом преобладающих течений и ветров — это земные будни исследователей. Только этого мало!

В ходе морских экспедиций нужно буквально шарить по дну с помощью профилографов, магнитометров, локаторов, потом, погрузившись в потаенные глубины, тщательно измерять останки корабля, лопаточкой или руками деликатно расчищать культурный слой вокруг обнаруженного предмета. Не то уронишь, скажем, старинную монетку — и концы в воду. Иногда водолазы вынуждены вскрывать толщи грунта: с годами корабля может затянуть илом и песком, приходится их размывать с помощью эжекторов, а это уже нелегкий, отнюдь не романтичный физический труд.

Наглядный пример — начатые в этом году раскопки построенного по чертежам Петра Великого линейного корабля «Портсмут», возглавлявшего нашу эскадру в победной битве у острова Эзель в 1719 году и затонувшего близ Кронштадта в том же году. Специалисты надеялись поднять кусок днища — все, что осталось от легендарного флагмана, а когда стали слой за слоем снимать грунт, наткнулись на пушки, амуницию... Чем глубже лежат предметы, тем сложнее их размывать, но тем они сохраннее — диалектика!

Команда НЦПИ стойкая, слаженная и к трудностям привычная. Люди вместе работают около двадцати лет и столько уже успели: составили каталог из 12 тысяч кораблекрушений, обнаружили более 500 затонувших объектов в северо-запад-

Фото сверху вниз:
Капитан Андрей Синицын вот уже 17 лет выходит в экспедиции с НЦПИ.

Андрей Лукошков с макетом книги о Выборгском сражении.

Роман Прохоров поднял эту тарелку с корабля «Архангел Рафаил», затонувшего в 1724 году.

Компания «Газпром трансгаз Санкт-Петербург» принимает активное участие в общественно значимых проектах, содействует развитию науки, помогает сохранить культурно-историческое наследие для будущих поколений. С 2014 года перечень этих проектов пополнился оказанием благотворительной помощи автономной некоммерческой организации «Национальный центр подводных исследований».

Как отмечает исполнительный директор АНО НЦПИ Максим Бабаринкин, в этот период реализовать задачи масштабного изучения объектов подводного наследия РФ, популяризации российского мореплавания, создания школы и оформления официального статуса подводной археологии в России, системной интеграции российской гидроархеологии в мировой контекст удалось исключительно при поддержке компании и ее руководителя Георгия Фокина.





Фотоплан корабля «Архангел Рафаил», сделанный в 2004 году из 300 фрагментов.

Чтобы составить представление о подводном объекте, в НЦПИ придумали фотографировать его по частям и кадры складывать как мозаику. Видно, что носовая часть корабля уцелела, кормовая развалилась, палуба и мачты отсутствуют. Сейчас эта технология усовершенствована: видеосъемка нарезается на кадры и «склеивается» на компьютере. Следующий шаг — превращать видеосъемку в 3D-изображения, получая объемную визуализацию объекта.

ной части бассейна Балтийского моря, часть из них обследовали, подняли на поверхность и сохранили ценные артефакты. Достижения на уровне солидного института штатной численностью человек под сто, а на «борту» НЦПИ всего-то семеро, включая матросов! Зато у них надежный партнер — компания «Газпром трансгаз Санкт-Петербург» помогает снаряжать регулярные экспедиции (нынешняя — шестая в этом году, предстоят еще две), приобретать оборудование, отправляет специалистов центра на международные конференции и стажировки.

— Для нас это почти забытое сражение примечательно тем, что оставило на дне разнокалиберную флотилию, — продолжает Лукошков, — линейные корабли, фрегаты, галеры и много мелких вспомогательных судов, а в месте прорыва их больше всего. Одни погибли от попадания снарядов и лежат на большой глубине почти нетронутые, как капсулы времени,

другие налетели на мели — ветер и волны разбросали их обломки по акватории, третьи потонули из-за шторма.

В 1991 году мы впервые вышли в Выборгский залив и сразу установили местоположение шведской королевской яхты «Аврора» и фрегата «Земира». С тех пор картировали все эти объекты, от пролива Бьеркезунд до Хельсинки, и в год 225-летия сражения не могли оставить их без внимания.

Среди них, например, шведский канонерский баркас, небольшой, длиной 18 метров, лежащий неподалеку от Приморска. Его можно было бы поднять, законсервировать и отреставрировать для возрождаемого силами Газпрома Мемориала петровского флота. Своим указом от 17 января 1724 года император повелел хранить в Петербурге вечно «суда первого здесь строения, а завоеванные — в память бывших баталий». Первыми экспонатами мемориала были шведские корабли, захваченные в ходе Гангутского сражения 1714 года. Указ исполнялся и после смерти Петра: так, в 1732 году в Кронверкской гавани стояли 28 кораблей — 15 шведских и 13 русских. Увы, мемориал не дожил до наших дней (последняя из реликвий — личная барка Густава III, захваченная в плен именно в ходе войны 1788–1790 годов, была уничтожена в 1965 году), но, как на полном серьезе говорит Лукошков, «указ императора никто не отменял. Газпром воссоздает «Полтаву» — первый линейный корабль, построенный в Петербурге, а мы готовы дополнить мемориал подлинными кораблями петровской и екатерининской эпох».

Из петровских кораблей вне конкуренции тот самый «Портсмут», первые три пушки с которого, уже расчищенные, предстоит поднять на поверхность до конца этого года. Их консервацией и реставрацией займется водолаз-исследователь, археолог, реставратор (все ключевые профессии в одном... «скафандре») Роман Прохоров. Пушки не просто начала XVIII века, а подаренные Петру королем





Иван Галайда еще в 2003 году при погружении на корабль «Архангел Рафаил» нащупал в толще ила бочку (как выяснилось впоследствии, с зерном) и торчащий из нее кусок ткани. И только в прошлом году, когда трюм корабля начали послойно размывать, нашел в заветном месте панталоны и этот кафтан. Его превосходно, причем бесплатно, отреставрировали в Государственном Эрмитаже.



Чернильница XVII века с резной крышкой, обнаруженная на корабле «Архангел Рафаил». Роман Прохоров собственноручно отреставрировал ее во время стажировки.

Дании Фредериком IV, можно использовать и для оснащения «Полтавы», и для экспозиции Музея истории Кронштадта, с которым сотрудничает НЦПИ. Подлинниками такого класса вполне гордиться любой музей мира!

Пока мы беседовали с Лукошковым, Прохоров что-то изучал, уткнувшись в ноутбук. Оказалось — сравнительные характеристики насосов для прокачки щелочи через ванны, в которые будут погружены поднятые со дна пушки с целью очищения чугуна от накопившихся за три века морских солей. Стоило отвлечь его от этого процесса, как он прочитал краткую лекцию об особенностях подводной археологии.

На первый взгляд, те же этапы, что в археологии обычной: поиск, фиксация, раскопки, консервация, восстановление предметов. Но с «маленькой» поправкой — предметы эти мокрые. Казалось бы, море — активная электрохимическая среда, потворствующая коррозии, но, к примеру, балтийская вода холодная, темная, светонепроницаемая — металлические предметы могут лежать в ней сотни лет, а на суше рассыпаться за месяц. Кроме того, вещь, изготовленная из разных материалов (металл + древесина + ткань + кожа...), требует разных методик консервации и реставрации. Не менее сложно воссоздать корабль из поднятых со дна обломков.

Поэтому правило серьезных подводных археологов гласит: не уверен, что способен сохранить вещь, — не поднимай, дабы не загубить. Поэтому Роман Прохоров и не спешит извлекать из глубин найденное на немецком торговом судне «Архангел Рафаил», затонувшем в 1724 году в Выборгском заливе, старинное ружье — фузею с деревянным прикладом: сначала планирует провести исследование в ГосНИИ реставрации, где он проходил стажировку. Зато оловянную посуду с «Рафаила» поднял и отреставрировал. Ответственное отношение к предмету поиска отличает профессионалов от расплодившихся «черных» дайверов.

Наследие



Критична и такая «мелочь», как точная навигация: обнаружив на дне предмет, надо безошибочно привязать его к местности. Эту науку специалисты НЦПИ освоили вполне: скажем, фрегат «Земира» длиной 50 метров, который в ходе Выборгского сражения был подбит, дрейфовал и затонул, попал в кружок диаметром 100 метров на составленной ими карте.

— Когда мы с первого раза вышли на него, секунд тридцать я чувствовал себя абсолютно счастливым. А потом выходили на точку снова, уже без эмоций, — вспоминает Лукошков.

Археологом можно стать, окончив исторический факультет. Подводных археологов в стране пока не готовят. Лукошков и Прохоров по образованию горные инженеры, университетский бэкграунд обоим очень помогает. Только Андрей Васильевич — специалист по морской геологоразведке, искал

янтарь на Балтике, олово в Карском море, никель-кобальтовые корки в Атлантике, россыпное золото у побережья Чукотки, пока не подсел на подводную археологию, а Роман Юрьевич — геофизик, вел поиск нефтегазовых месторождений. Прохоров с еще одним членом экспедиции Игорем Галайдой лет двадцать назад создали в Москве подводный клуб, привезли своих учеников понырять на Балтику, к затонувшему в 1897 году эскадренному броненосцу «Гангут», где и познакомились с Лукошковым.

Те же Прохоров и Галайда в 2004 году установили рекорд России по глубине погружения, опустившись на 187 метров в карстовом Голубом озере в Кабардино-Балкарии.

Они собираются нырять еще не один год, но, поскольку в водах Северо-Запада лежат десятки тысяч кораблей, заранее

Фото слева направо: Роман Прохоров показывает Президенту России Владимиру Путину тарелку, поднятую из офицерского салона парусно-винтового фрегата «Олег», затонувшего в 1856 году. Акватория острова Гогланд. 25 июля 2015 г.

Оловянные тарелки с датой изготовления (1694 г.), ложки, старинный безмен — предметы, поднятые с «Архангела Рафаила», после реставрации.



Фото слева направо:
Под воду на работу.

Горсть мушкетных пуль, не убивших русских моряков. Найдена рядом с бортом шведской галеры «Эренпреутц».

Выборгскому заливу суждено было стать большим кладбищем моряков, в основном шведских и финских. Специалисты НЦПИ предлагают установить на Крестовом мысу интернациональный памятный знак из поднятых со дна залива пушек и якорей на гранитном постаменте, благо гранита на этих суровых берегах предостаточно.

готовят смену — в экспедиции участвуют сын Игоря Галайды — Иван, уже опытный водолаз, и сын Романа Прохорова — Сергей.

Чем интересны погибшие в Выборгском сражении корабли водолазу-исследователю с кандидатским минимумом по археологии и специализацией реставратора? Вопрос, наверное, риторический: в их недрах множество артефактов для будущего музея подводной археологии — китайский фарфор XVIII века, английское оружие с маркировкой, фаянсовые изделия из Германии, глиняные бутылки из-под сельтерской воды для шведской королевской яхты и стеклянные с шампанским (правда, выдохшимся). Роман Прохоров уточняет:

— Это ведь были военные корабли, с экипажами по 200–300 человек. Рассчитываем обнаружить матросские рундучки с имуществом, личное оружие, запасы продовольствия, пороховые склады (бомбы, гранаты, ядра), так называемые дельные вещи — канаты, шпаклевку, ремонтные пластыри, запас-

ные паруса. Нам уже повезло найти горсть мушкетных пуль (возможно, кто-то уронил кисет) — свинец тяжелый, они за камушек завалились и ждали...

Поневоле соотносишь масштаб проделанной и предстоящей работы с возможностями группы энтузиастов. Восхищаешься их целеустремленностью и профессионализмом, но изучение гидроархеологического наследия страны — это же мегапроект, которым должен заниматься целый кластер учреждений: образовательных, проектных, исследовательских, реставрационных. Может быть, на основе государственной программы, как в ряде балтийских стран. Для этого нужно больше людей, больше кораблей, больше оборудования, больше денег.

Но есть и хорошая новость: ЦПИ РГО, как сообщил его исполнительный директор Сергей Фокин, готовится на долгий срок зафрахтовать специализированное судно.

Наследие

Консервацией и реставрацией подводных находок в России тоже пока никто системно не занимается. А надо. Поэтому НЦПИ в лице Романа Прохорова, опять же при поддержке компании «Газпром трансгаз Санкт-Петербург», взялся за создание реставрационной лаборатории с набором специального оборудования (вакуумные насосы, дистилляторы, ультразвуковые ванны, микроскопы, сушильные и морозильные камеры и т. д.) для отработки технологий сохранения мокрых предметов и подготовки профильных специалистов. На первых порах она разместится на площадях Музея истории Кронштадта, затем войдет в состав будущего музея подводной археологии. Прохоров, как видно, это оборудование уже подбирает между «водными процедурами», а на суше приобретает и начинает работать на нем — до следующей экспедиции.

— По-моему, пора тралить, — заглядывает в кают-компанию капитан Андрей Сеницын и, не дожидаясь ответа, возвращается в рубку. Тралить — это святое. Андрей Лукошков занимает свое рабочее место в каюте на корме. Пока судно ходит галсами, не отрывает взгляд от монитора гидролокатора бокового обзора. Сконструированный умельцами из НЦПИ «в порядке импортозамещения», шуточно акцентирует он, прибор направляет акустический сигнал в толщу вод и превращает отраженный сигнал в картинку рельефа дна. Не фотография, но все, что лежит на грунте, для наметанного глаза различимо.

За ужином научный руководитель рассказывает о результатах траления:

— Две цели, достойные осмотра, выявили. Похоже, это два якоря неподалеку друг от друга. По нашему плану реконструкции сражения в этом месте стоял русский корабль, вынужденный обрубить свои канаты и сманеврировать.

С другим якорем картинка мудренее, характерная для постановки на шпринг: два каната, на грунте видны их следы, заводятся на нос и на корму корабля. Скорее всего, это был наш



бомбардирский корабль «Победитель». Новые сведения позволяют уточнить диспозицию сражения. А сами якоря поднимем, когда будем готовы их сохранить. У них тоже сложная конструкция (металл, дерево, брезент), которая подлежит разборке, консервации по частям и последующей сборке. Но это будет красивый музейный объект, спасенная историческая ценность.

Что ж, утром предстоит работа водолазам, к чему они полностью готовы. Прохоров, за неимением тренажеров, каждую свободную минуту отжимается на палубе. У Лукошкова свои погружения — в макет книги о Выборгском сражении, которую он готовит к печати. Название эпическое: «Величайшая морская битва Льва с Орлом. История последнего шведского морского похода на Россию 1788–1790 годов, воссозданная на основе подводных археологических исследований». Возможно, ее фрагменты войдут в школьные учебники истории...

Экспедиция НЦПИ
в Выборгском заливе.

Каждый из них мог бы повторить вслед за Романом Прохоровым: «Подводной археологией нельзя заниматься по принуждению, ради тупого зарабатывания денег, ею надо болеть, интересоваться по крайней мере. Нырять опасно — так было и будет. Можно и переохладиться, и в сети попасть — что угодно может случиться под водой. Но нас от этой болезни уже не излечишь».
Сентябрь 2015 г.

Вначале был дворец...

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД «КОНСТАНТИНОВСКИЙ» НА ПОРОГЕ 15-ЛЕТИЯ

Андрей РОДИОНОВ. Фото: архив МБФ «Константиновский»



Константиновский дворец в Стрельне.

Первое, что поражает в офисе Международного благотворительного фонда «Константиновский», — количество благодарственных писем, адресов, дипломов на стенах. Сотрудники шуточно сетуют — мол, разместить удастся далеко не все, а проекты между тем прибавляются.

Что ж, почетная «экспозиция» отражает масштаб и разнообразие деятельности фонда, которая начиналась с одного единственного, казалось, неподъемного проекта — возрождения из руин Константиновского дворца в Стрельне. Фонд не только в кратчайшие сроки справился с этой задачей, но также сумел аккумулировать силы и средства на создание во Дворце конгрессов музея, восстановление регулярного и пейзажного парков. И тогда стало ясно, что «Константиновскому» по плечу задачи практически любой степени сложности,

о чем свидетельствует и широкий спектр его благотворительных программ: от восстановления исторического облика монастырей, храмов и церквей совместно с Русской православной церковью до помощи социально незащищенным слоям населения.

Но даже в рамках этих программ возникали проекты необычные, комплексного характера. Достаточно вспомнить эпопею с возвращением на родину уникальной коллекции Лобановых-Ростовских: пришлось провести тщательную искусствоведческую экспертизу каждого из 810 произведений декоративно-прикладного искусства, созданных русскими художниками в 1880–1930 годах, их поштучную опись (ящиков было 46) и даже оплатить налоги, в соответствии с правилами ввоза культурных ценностей в Россию! Результат:



Среди подопечных фонда — воспитанники Кронштадтского морского надетского корпуса.



Коллекция Лобановых-Ростовских в Музее театрального и музыкального искусства.



Фонд принял участие в торжествах по случаю столетнего юбилея замечательного благотворителя барона Э. А. фон Фальц-Фейна. Слева — Геннадий Явник.



«Константиновский» поддерживает издательскую деятельность в сфере культуры.



Спасо-Преображенский Валаамский Ставропигиальный монастырь.

коллекция, в основном пребывавшая на одном из складов Германии, которая могла затеряться, уйти оптом и в розницу на распродажах, сегодня хранится в режиме открытого доступа в Государственном музее театрального и музыкального искусства, стала в буквальном смысле ненаглядным достоянием россиян.

Как говорит генеральный директор фонда Геннадий Явник, все благодарственные письма для него ценны, будь то от Президента России или от руководства детского дома, разве что в первом случае повод, понятно, значительнее... Многие благотворители наделены готовностью помочь. Настоящих, состоявшихся благотворителей отличает еще и умение помочь. Дружный коллектив МБФ «Константиновский» доказал, что обладает этим умением в полной мере.

Праздник дарения

КАК В ГОСУДАРСТВЕННОМ ЭРМИТАЖЕ ОТМЕЧАЛИ X ДЕНЬ МЕЦЕНАТА

Сергей ТЕПЛОВ. Фото: Павел Маркин, Евгений Синявер, Анна Флегонтова



Поздравление от юных воспитанников Академии танца Бориса Эйфмана.

Генеральный директор Государственного Эрмитажа Михаил Пиотровский, возглавляющий попечительский совет «Русского Мецената», показывает вышедший к празднику двадцатый номер альманаха. Справа — главный редактор издания Аркадий Соснов.

Михаил Пиотровский:

— Это само по себе оригинально: есть день, вычисленный по оде Горация, хотя нет года. Церемония проводится на фоне знаменитой картины Тьеполо «Меценат представляет Августу свободные искусства» из коллекции Эрмитажа и тем самым восходит к традициям меценатства, собирательства...

«Русский Меценат» № 18,
октябрь 2014 г.

Благотворители

Вряд ли несколько энтузиастов, впервые пришедших 13 апреля 2006 года в Большой Итальянский просвет Нового Эрмитажа к маленькому шедевру Тьеполо «Меценат представляет Августу свободные искусства» (1745 г.) с цветами в честь дня рождения римского аристократа, покровителя искусств Гая Цильния Мецената (день был вычислен по оде Горация), могли предположить, как с годами изменится этот ритуал.

Х День мецената 13 апреля 2015 года отмечался в Эрмитажном театре при изрядном стечении публики, реликвию Тьеполо принесли под охраной в зал, специально для участников, среди которых по традиции было немало детей, завели часы «Павлин», а затем состоялось представление благотворительных, социально ориентированных проектов.

С учетом первого юбилея вспомнили несколько значимых меценатских проектов прошедшего десятилетия: реставрацию Агатовых комнат в Царском Селе, фонтана «Самсон» в Петергофе...



На выставке подаренного Эрмитажу суданского оружия.



Легенда «Зенита» Владислав Радимов вручает памятный мяч с автографом Антону из Детской деревни — SOS в г. Пушкине.



Главный архитектор ГМЗ «Царское Село» Мария Рядова рассказывает о возрождении Агатовых комнат.



Лауреат международных конкурсов Илья Козлов играет на скрипке, подаренной ЗКР Симфоническому оркестру Санкт-Петербургской филармонии.



Певица Татьяна Буланова и директор благотворительного фонда «Солнце» Елена Кузьмина.



Генеральный директор СЗРЦ концерна «Алмаз-Антей» Михаил Подвизников.



Специальное включение часов «Павлин».



Генеральный директор ГМЗ «Петергоф» Елена Кальницкая.



Степан Армасарь, стипендиат Международного фонда культурных инициатив маэстро Темирканова, играет на баяне, подаренном меценатами средней специальной школе-десятилетке при Санкт-Петербургской консерватории.



Скрипичный мастер Габриэль Жебран Якуб и его учитель Владимир Китов.



Начальник военно-исторического отдела ГМЗ «Царское Село» Георгий Введенский.

Новые проекты носили ярко выраженный социальный характер: «90 добрых дел «Зенита», создание Центра социальной и трудовой адаптации молодых людей с инвалидностью в Ленинградской области. Порадовали тягой к прекрасному промышленники: руководители Обуховского завода и группы компаний «РосСтройИнвест» рассказали о музейных программах своих предприятий.

В фойе театра была развернута выставка подарков Эрмитажу (или имениннику Меценату?) от меценатов современных — купленный на аукционе рисунок к находящейся в собрании музея картине Иеронима Франкена II «Притча о девах разумных и неразумных» (ок. 1616 г.); набор африканского оружия конца XIX века, привезенного из Судана; предполагаемый портрет гетмана Мазепы работы Бальтазара Деннера (первая половина XVIII века)...

Добавим, что с легкой руки инициаторов — Государственного Эрмитажа и альманаха «Русский Меценат» — День мецената и благотворителя отмечается 13 апреля в ряде российских музеев.



А. Н. Бенуа. Иллюстрация к поэме А. С. Пушкина «Медный всадник». 1903 г.



ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МУЗЕЙ ИСТОРИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

**Государственный музей
истории Санкт-Петербурга
в рамках Года литературы
в России проводит выставку
«Давно стихами говорит Нева...»**

**Главная тема – диалог великих писателей и поэтов
с Петербургом, «умышленным» и непостижимым.**

**В Музее печати (наб. Мойки, 32) представлены книги,
афиши, иллюстрации, портреты литераторов, бюсты
и скульптурные композиции, марки, значки,
открытки – около 400 экспонатов.**



РУССКИЙ  МЕЦЕНАТ

АЛЬМАНАХ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА